

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕЧКА ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

А. И. ПОЛТОРАК

ПОД СУДОМ ФАШИЗМ

А. И. Полторак

**ПОД СУДОМ
ФАШИЗМ**

(Нюрнбергский процесс)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1966

Более 20 лет назад по требованию народов мира в Нюрнберге был организован судебный процесс над главными нацистскими военными преступниками. Это был первый в истории суд народов над агрессией и агрессорами, над зачинщиками мировой войны.

Автор, старший научный сотрудник Института государства и права Академии наук СССР, являвшийся секретарем советской делегации в Международном военном трибунале в Нюрнберге, рассказывает об этом процессе, который служит суровым напоминанием о том, какой конец неизбежно ждет агрессоров и в наши дни.

ВВЕДЕНИЕ

В 1965 году народы всего мира отмечали 20-ю годовщину разгрома гитлеровской Германии.

Шесть лет длилась развязанная германским фашизмом вторая мировая война. В ней участвовало 61 государство с населением 1700 миллионов человек. Под ружье было поставлено 110 миллионов человек. Она обошлась человечеству во многие десятки миллионов жизней.

Но вина германского милитаризма не только в том, что он развязал разбойничью агрессию. Гитлеровская клика превратила войну в систему организованного бандитизма, в сплошную цепь злодеяний. Пройдут многие и многие десятилетия, а народы не забудут чудовищные преступления германского фашизма.

Никто до второй мировой войны не знал такого слова, как геноцид¹, не знал и не мог знать, ибо его не существовало. Чудовищные злодеяния гитлеровцев, вознамерившихся уничтожить целые народы, сделали широко известным понятие геноцида.

Нацистская клика покрыла Европу густой сетью концентрационных лагерей. Массовое уничтожение

¹ Слово «геноцид» (genocide — народоубийство) происходит от двух латинских слов: *genos* — род, *cedere* — уничтожение.

людей нацисты поставили на промышленную основу. В концлагерях были оборудованы специальные камеры для удушения миллионов заключенных, германские химические монополии поставляли отравляющие вещества для этой цели, другие предприятия изготавливали кремационные печи для сжигания отравленных людей, обогащаясь на этой программе массовых убийств.

За годы войны в нацистских душегубках погибло более 12 миллионов человек. Только в одном концлагере Освенцим было загублено 4 миллиона.

Фашистские работорговцы, действуя в интересах германских монополий, сгоняли людей из оккупированной Европы на принудительный труд в нацистский рейх. 5 миллионов человек было насильственно угнано на эту каторгу, ставшую еще одним средством массового уничтожения.

Оккупировав многие страны Европы, гитлеровцы поставили своей целью превратить их в зону пустыни. Только на территории Советского Союза нацистские преступники полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и более 70 тысяч сел и деревень, уничтожили свыше 6 миллионов зданий и лишили крова около 25 миллионов человек. Эти чудовищные преступления германского фашизма могли стать прелюдией к еще более кровавой оргии — физическому истреблению многих народов, которое гитлеровцы планировали развернуть после завоевания ими мирового господства.

Но Советская Армия в боевом содружестве с народами стран антигитлеровской коалиции разгромила германский фашизм и тем самым спасла цивилизацию от гибели.

И вот наступил час возмездия, суровой расплаты за чудовищные преступления.

Двадцать лет назад, облеченный доверием человечества, приступил к своей исторической миссии Международный военный трибунал в Нюрнберге.

Нюрнбергский процесс раскрыл перед всем миром человеконенавистническую сущность фашизма и империализма, он осветил тайники разбойничьей политики нацизма и сурово покарал гитлеровскую клику.

Новые поколения людей должны помнить об этом процессе, должны знать о преступлениях гитлеризма, для того чтобы не допустить их повторения.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ СОЗДАН

Еще до начала второй мировой войны нацисты совершили немало тяжчайших преступлений, но их действия преимущественно ограничивались государственными границами третьей империи. Когда же Гитлеру удалось развязать войну и вермахт, взломав границы ряда государств, оккупировал их территории, злодеяния немецких нацистов приобрели характер международных преступлений.

Десятки миллионов человек, надевших солдатские шинели ради спасения цивилизации от гибели, поклялись, что, разгромив фашизм, они не забудут о возмездии. Суровое наказание нацистских военных преступников стало одной из официальных целей справедливой войны против фашизма, требованием всего человечества.

В октябре 1943 года в Москве была принята Декларация трех держав об ответственности за совершаемые зверства. В этой декларации, подписанной руководителями СССР, США и Великобритании, говорилось о решимости Объединенных Наций покарать нацистских преступников:

«Пусть те, кто еще не обагрил своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе винов-

ных, ибо три союзных державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие».

Казалось, перед лицом Освенцима и Майданека, Бабьего Яра и Лидице никто не посмеет возражать против идеи наказания гитлеровских убийц. И все же наиболее реакционные круги Запада стали еще в ходе войны призывать к всепрощению.

Но вот в мае 1945 года война закончилась. Советские воины воздрузили знамя победы над рейхстагом.

После соответствующих межправительственных консультаций было решено организовать и провести гласный судебный процесс против главных немецких военных преступников, а для этого необходимо было выработать Устав Международного военного трибунала. С этой целью в Лондоне состоялось совещание представителей четырех держав — СССР, США, Англии и Франции.

Лондонское совещание продолжалось с 25 июня по 8 августа 1945 года и закончилось успешно: был согласован и утвержден Устав Международного военного трибунала.

Плодотворной работе совещания в значительной мере способствовал тот факт, что советская делегация прибыла в Лондон с подробно разработанным проектом Устава Международного военного трибунала, который и стал предметом обсуждения. Почти все положения советского проекта были приняты.

Но пройдет всего лишь два-три года, и реакционные юристы и политики будут сетовать на то, что в Лондоне советским представителям удалось «протащить» в Устав весьма опасные, с их точки зрения, положения, что в Лондоне «марксистские концепции» возобладали над «старыми и уважаемыми традициями цивилизованного мира».

Реакционеры всех мастей будут пытаться доказать недоказуемое — незаконность процесса. При этом они умолчат о том, что международное право еще до начала второй мировой войны провозгласило агрессию международным преступлением и что история еще не знала подобных масштабов и концентрации преступлений, какие были совершены гитлеровцами.

Почему же столь ненавистным для реакционеров на Западе оказалось соглашение об учреждении Международного военного трибунала? Почему, находясь еще в Лондоне, американский представитель Джексон, обращаясь к генералу И. Т. Никитченко, сказал: «Вы знаете, генерал, этого соглашения мне в Америке многие не простят». Почему американский сенатор Тафт вскоре после вынесения приговора в припадке откровенности заявил, что «Соединенные Штаты еще долго будут сожалеть о приведении в исполнение нюрнбергского приговора».

Дело в том, что Нюрнбергский процесс с позиций исторической правды разоблачил до дна преступный характер нацистского государства и его кровавые злодеяния, сурово покарал зачинщиков второй мировой войны. Но, показав всему миру звериный облик германского милитаризма, он вместе с тем помог уяснить причины, позволившие нацизму — этой откровенно террористической диктатуре наиболее реакционных империалистических сил — захватить власть в Германии.

Гитлеризм был порождением германского монополистического капитала. Он пришел к власти, утвердился и смог совершить свои бесчисленные преступления в результате поддержки и непосредственной помощи военных и других международных монополий, в результате их патологической ненависти к коммунизму.

Вот почему костью в горле немецких милитаристов и всех реакционеров на Западе является исторический Нюрнбергский процесс. Вот почему его приговор одобряет все прогрессивное человечество.

Мы лучше поймем это, если побываем в историческом зале Нюрнбергского дворца юстиции, послушаем речи обвинителей, допросы подсудимых, ознакомимся с материалами и выводами процесса.

ТРИБУНАЛ НАЧАЛ СВОЮ РАБОТУ

— Суд идет! Прошу встать!

Все присутствовавшие в этот исторический день — 20 ноября 1945 года в зале Нюрнбергского дворца юстиции поднялись со своих мест. Один за другим проходили к судейскому столу члены Международного военного трибунала.

Началось первое судебное заседание по делу главных немецких военных преступников. И сразу же после того как председательствующий сделал краткое заявление об историческом значении процесса, защитник Геринга д-р Штамер поднялся на трибуну.

Адвокат начал издали. Он говорил об ужасах мировых войн (конечно, избегая упоминать о том, кто развязал их), о пострадавших нациях. И решительным тоном заключил, что пора-де давно установить наказуемость агрессии.

— Человечество добьется,— воскликнул он с пафосом,— что в будущем эта идея станет не только требованием, но и международным законом.— Но тут же, обращаясь к судьям с наигранной скорбью в голосе, как бы сетуя на довоенных политиков и юристов, заключил: — К сожалению, многочисленные благие по-

желания установить наказуемость агрессии остаются все еще гласом вопиющего в пустыне.

В поддержку Штамера выступили и некоторые другие адвокаты в Нюрнберге. Позвольте, говорили они, разве история агрессий начинается с Гитлера? Разве до него не было многих сотен подобных войн? Наполеон, например, свыше пятнадцати лет только тем и занимался, что нападал на другие страны. Но ведь никому и в голову не приходило судить его за агрессию. А кайзер Вильгельм II? Его признали виновником первой мировой войны. И грозились судить. Но ведь не судили. И потому, что не было, да и сейчас нет такого закона, согласно которому можно судить руководителей государств за агрессию.

Оперируя этими «аргументами», защита потребовала отложить суд и собрать сначала мнения признанных во всем мире авторитетов в вопросах международного права относительно законности Нюрнбергского процесса.

В завуалированной форме д-р Штамер и его коллеги пытались остановить занесенную над фашистскими преступниками руку правосудия.

Но народы мира не могли допустить, чтобы гитлеровская клика избежала возмездия. Слишком много было выстрадано, слишком чудовищны были злодеяния нацизма. И еще одна важнейшая задача стояла перед Международным трибуналом: покончить с безнаказанностью агрессии и агрессоров, а для этого необходимо было покарать тягчайших преступников против мира и человечества.

В Нюрнберге судили не только фашистских главарей, оказавшихся на скамье подсудимых, но и нацистский режим в целом, его политику, идеологию.

Свыше 900 лет существует Нюрнберг, и в течение столетий этот город был символом захватнической

политики. Здесь часто заседали имперские сеймы, управлявшие делами «Священной Римской империи». С 1356 года, согласно «Золотой булле» Карла IV, каждый новый император свой первый имперский сейм должен был собирать в Нюрнберге.

Гитлеровцы именовали «Священную Римскую империю» первой германской империей; второй они называли ту, которую создал в 1871 году Бисмарк. Основателями третьей «тысячелетней империи» они считали себя. Нюрнберг стал символом рейха, партийной столицей нацистов.

В этом городе находилось так называемое «партайленде», традиционное место фашистских митингов.

Огромный асфальтированный стадион с трибунами из серого камня. Тяжело попирая землю, господствуя над всем, высилась махина центральной трибуны с черными чашами на крыльях. И, словно рассекая трибуну пополам, широкая темно-синяя стрела, прочерченная снизу вверх по камню, указывала своим острием место Гитлера. Здесь он принимал парады войск и штурмовых отрядов. Отсюда под рев осатанелых фашистов он призывал к разрушениям, к захватам, к крови...

В дни съездов фашистской партии город дрожал от топота тысяч солдатских сапог. Вечерами Нюрнберг вспыхивал, как гигантский костер. Колонны факельщиков с диким ревом проходили по улицам города. Дым от факелов застилал небо.

И этот город — партийную столицу гитлеровского рейха союзные державы — учредители Международного военного трибунала решили избрать местом для суда народов над преступными нацистскими руководителями Германии.

...На одной из немногих широких и прямых улиц Нюрнберга, Фюртерштрассе, за вычурной каменной

оградой с чугунными воротами стоит выстроенное в середине прошлого столетия массивное четырехэтажное здание с пышным названием — Дворец юстиции.

Со двора к Дворцу юстиции вплотную прилегает длинное здание тюрьмы. Гладкий оштукатуренный фасад и маленькие зарешеченные окна.

Капризная военная судьба пощадила этот мрачный квартал зданий среди хаоса разрушенного Нюрнберга, как будто специально для того, чтобы здесь мог свершиться один из самых справедливых в истории человечества судебных процессов.

Во Дворце юстиции с ноября 1945 года помещался Международный военный трибунал, разбиравший дело по обвинению главных немецких военных преступников; здесь же, в тюрьме, они содержались под стражей в ожидании суда и приговора.

Первое, что бросается в глаза в судебном зале, — отсутствие дневного света: окна наглухо зашторены.

Зал отделан темно-зеленым мрамором. На стенах барельефы — символы правосудия. Здесь неторопливо, тщательно, с почти патологоанатомической точностью вскрывается и изучается политика целого государства. Судьи и все присутствующие внимательно слушают прокуроров, свидетелей, подсудимых, защитников. Время от времени входят и выходят люди — когда возникает необходимость срочно доставить тот или иной документ. Каждые 25 минут меняются стенографы, записывающие все происходящее: ведь к концу дня должна быть готова полная стенограмма судебного заседания на четырех языках.

На возвышении длинный стол Международного военного трибунала. Ниже судейского стола расположился секретариат. Еще ниже — стенографы. Справа от входа столы сотрудников прокуратуры четырех держав. Слева от входа скамья подсудимых, окружен-

ная солдатами американской военной полиции. На специально отведенных местах — одетые в мантии адвокаты. Позади обвинителей места для представителей прессы.

Судебный процесс начался 20 ноября 1945 года и закончился 1 октября 1946 года. Трибунал провел 403 открытых заседания. Протоколы насчитывали 16 тысяч страниц, 2630 документов предъявили обвинители и 2700 — защитники. Было заслушано 240 свидетелей и изучено 300 тысяч письменных показаний, данных под присягой. Было израсходовано 27 тысяч метров звуковой пленки и 7 тысяч пластинок для того, чтобы зафиксировать все, что происходило на процессе. Стенограмма судебного заседания сверялась со звукозаписью с целью достичь максимальной точности.

К началу заседания подсудимых доставляли по одному через подземный ход, соединяющий тюрьму с Дворцом юстиции. Под усиленным конвоем их поднимали на лифте в пустой еще зал. Некоторые здоровались друг с другом, другие, озлобленно, по-волчьи озираясь, проходили на свои места.

Тюрьма, где содержались главные военные преступники, — это многоэтажное здание, нафаршированное камерами размером 10 на 13 футов, в которых по одному содержались подсудимые. В каждой камере расположенное на высоте человеческого роста окно, выходящее в тюремный двор; в дверях небольшое окошко, постоянно открытое. Через него передавалась пища и велось наблюдение. Тут же, в углу, ничем не отделенный туалет. Койка, жесткое кресло, вправленный в пол столик — вот и весь мебельный «гарнитур». На столе разрешалось иметь карандаши, бумагу, семейные фотографии, табак и туалетные принадлежности. Все другие личные вещи изымались.

Подсудимые каждый день совершали прогулки в

тюремном дворе. Во время прогулок им разрешалось разговаривать друг с другом.

Без ограничения им давали из тюремной библиотеки книги, но пользовались ими далеко не все: видимо, гитлеровские главари не принадлежали к числу книголюбив.

Вряд ли нужно говорить, сколь трудоемкой оказалась задача сбора всех доказательств виновности правительства крупнейшей европейской державы, нацистской партии и ее руководителей, которые в течение тринадцати лет готовили заговор для захвата власти в Германии, затем шесть лет вооружали и готовили страну к агрессии, а потом еще шесть лет вели непрерывные войны, сопровождавшиеся тягчайшими военными преступлениями.

Нюрнбергский процесс часто называют «процессом документов». И это верно. Хотя в Нюрнберге немалое значение имели, конечно, и свидетели, и вещественные доказательства, и показания самих подсудимых, тем не менее по удельному весу и значимости важнейшими и определяющими являлись документальные доказательства.

Дело в том, что на последнем этапе войны в руки союзников как на Востоке, так и на Западе попали важнейшие правительственные архивы гитлеровской Германии. Во Фленсбурге был захвачен архив германского генерального штаба со всеми оперативными документами, раскрывающими картину подготовки и развязывания агрессивных войн. В Марбурге был найден архив Риббентропа, в потайном хранилище одного баварского замка — архив Розенберга.

Еще во время войны во многих странах, подвергшихся гитлеровской агрессии, были созданы специальные следственные комиссии, которые провели огромную работу, выявляя нацистские преступления.

В СССР, как известно, была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Таким образом, к моменту, когда началась подготовка судебного процесса, в Нюрнберге скопились десятки тонн различных архивных материалов.

Большое значение имели и показания свидетелей. Круг их был исключительно широк и разнообразен. За свидетельским пультом можно было увидеть и гитлеровского министра Ламмерса, и личного шофера Гитлера Кемпку, и фельдмаршала Кессельринга, и австрийского министра иностранных дел Гвидо Шмидта, и крупного чиновника гестапо Гизевинуса, и одну из жертв гестаповского террора, Шаглевскую. Свидетельские показания давали и крупные деятели культуры, такие, как советский академик И. А. Орбели, и церковные деятели.

Не малую роль сыграли и вещественные доказательства. На них, порой, было жутко смотреть, но их изобильная сила была неотразима.

Наряду с документами и вещественными доказательствами обвинители располагали еще огромным фотографическим фондом, также помогавшим изобличить гитлеровских преступников. Кальтенбруннер, например, утверждал, что он никогда не присутствовал при массовой загрузке печей трупами и вообще не был в лагере Маутхаузен. Но сохранились немые свидетели этих событий — фотографии: Кальтенбруннер наблюдает за работой печей. И таких фотографий сотни.

ПОДСУДИМЫЕ

В зале суда бывшие главари германского рейха сидят на двух скамьях. Принцип размещения в общем соответствовал положению, которое каждый подсудимый занимал в нацистской иерархии. На первом месте в первом ряду Герман Геринг.

В гитлеровском государстве Геринга величали «человеком № 2» — первое место занимал Адольф Гитлер. Здесь же его называют «подсудимый № 1». И он старается соответственно вести себя: с чувством превосходства беседует с соседями по скамье подсудимых, позирует, когда замечает направленные на него объективы иностранных фотокорреспондентов.

Геринг сидит рядом с Рудольфом Гессом и чаще всего обращается к нему. Беседы эти носят скорее характер монолога — Геринг что-то говорит, энергично жестикулируя, а Гесс мутным взглядом глубоко запыранных глаз обводит зал суда. Время от времени он поворачивается к Риббентропу и начинает ему что-то шептать. Гесс был заместителем Гитлера по руководству национал-социалистской партией.

Сосед Гесса слева Иоахим фон Риббентроп — бывший министр иностранных дел гитлеровского рейха. Он не похудел, скорее, опустился, как-то весь обмяк,

стал неряшлив. Когда один из журналистов обратил внимание на мятый вид Риббентропа, известный советский художник-карикатурист Борис Ефимов негромко сказал: «Ничего, отвисится».

Сидящий рядом с Риббентропом Вильгельм Кейтель, бывший начальник ОКВ (верховного командования вооруженными силами), выглядит более браво; видимо, он еще на что-то рассчитывает.

А вот Эрнст Кальтенбруннер — заместитель Гимmlера, главный гестаповский палач. Он смотрит в зал суда ненавидящим взглядом убийцы, пойманного с поличным на месте преступления.

Альфред Розенберг — сосед Кальтенбруннера — главный идеолог расизма в гитлеровской Германии. Родился он в Прибалтике. Молодость провел в России, учился в институте (сначала в Петербурге, затем в Москве), хорошо знал русский язык. Эти обстоятельства были учтены, когда Гитлер назначал его «имперским министром по делам восточных оккупированных территорий».

Ганс Франк — «суперюрист» нацистской партии. Он был адвокатом Адольфа Гитлера на судебном процессе в Мюнхене после провала путча 1923 года. Впоследствии — главный юрисконсульт нацистской партии в период ее борьбы за власть и после захвата власти. Во время войны — палач польского народа, занимал пост генерал-губернатора оккупированной Польши.

Сосед Франка — Вильгельм Фрик, один из старейших главарей нацистской партии, руководитель ее фракции в рейхстаге еще до захвата власти, потом министр внутренних дел и в последние годы имперский протектор Богемии и Моравии.

Дальше — Штрейхер. Пожалуй, одна из самых омерзительных личностей среди этого омерзительного

сборища. Он немало преуспел в том, чтобы отравить сознание целого поколения немцев ядом антисемитизма, он подстрекал к активным преследованиям «не арийцев», превосходя своим человеконенавистническим фанатизмом любого из фашистских главарей.

Даже сосед Штрейхера Вальтер Функ возмущался, что его посадили «рядом с этим вырожденком, с этим злобствующим юдофобом». Маленький толстый Функ с лысой головой и вечно заспанными глазами удава — бывший министр экономики и президент Имперского банка — уверял, что не хочет иметь ничего общего со Штрейхером. А Юлиус Штрейхер язвительно улыбался, когда обвинители напомнили Функу о том, как заботился он о пополнении золотых запасов Рейхсбанка кольцами, коронками и другими ценностями, снятыми с жертв Освенцима и Майданека.

А вот Ялмар Шахт — человек, без которого не было бы ни Гитлера и Геринга, ни Гесса и Розенберга, ни Функа и Штрейхера. Это он, полномочный представитель германского монополистического капитала, щедро финансируя гитлеровскую партию и дело вооружения, помог Гитлеру сесть в кресло рейхсканцлера и развязать вторую мировую войну.

Не менее красочен второй ряд. Здесь сидят пираты, поправшие все законы и обычаи морской войны, гросс-адмиралы Дениц и Редер — люди, поставившие германский военно-морской флот на службу разбойничьим планам нацистских заговорщиков.

А кто этот человек с большой лысиной и гитлеровскими усиками? Фриц Заукель — самый свирепый работороговец в истории — был генеральным уполномоченным по набору рабочей силы. Это он загнал миллионы людей на германскую каторгу и сделал все, чтобы они «вырабатывались» там до смерти.

За Заукелем — Йодль, начальник штаба оператив-

ного руководства верховного командования вооруженными силами. Далее Франц фон Папен, старый шпион-диверсант времен первой мировой войны, сменивший профессию разведчика на пост канцлера, хитрая лиса, принявшая обличье благочестивого католика. Это он в начале 30-х годов открыл Гитлеру дорогу к власти. За Папеном — Артур Зейсс-Инкварт, один из тех, кто помог Гитлеру осуществить аншлюс, т. е. захватить Австрию. Потом, во время войны, будучи гаулейтером, он топил в крови польский и голландский народы.

А вот и Шпеер, друг Гитлера, архитектор, строивший помпезные стадионы, на которых с кровавыми призывами выступал фюрер. Во время войны архитектор стал министром вооружений. Вкупе с Леем и Заукелем он морил голодом и изнурял непосильным трудом миллионы иностранных рабов, обеспечивая бесперебойную работу военной промышленности.

И еще двое — Нейрат и Фриче. Нейрат в самые первые годы гитлеровского владычества был министром иностранных дел. Прусский аристократ, дипломат старой школы, который помог Гитлеру сделать первые шаги в агрессивной политике. А к тому времени, когда на посту министра его сменил Риббентроп, Нейрат уже настолько понаторел в нацизме, что стал рейхспротектором Чехии, душителем чешского народа.

Ганс Фриче был заместителем Геббельса. Он руководил радиопропагандой гитлеровской Германии, возбуждая своими выступлениями ненависть к другим народам, обманывая свой собственный народ, добиваясь, чтобы его соотечественники безропотно следовали за нацистской партией.

Итак, на скамье подсудимых оказались почти все главари нацистской банды, ответственные за все злодеяния кровавого гитлеровского режима.

Как же вели себя подсудимые, как они реагировали на предъявленные им обвинения?

Трудно ответить на это односложно. Тактика защиты у каждого была своя. Общее заключалось в том, что от их имени защита пыталась поставить под сомнение законность самого суда. Это дало основание одному из обвинителей остроумно заметить: «Вор, который чувствует на своей шее веревку, не может придерживаться хорошего мнения о законе».

На вопрос председательствующего о признании вины подсудимые в большинстве отвечали: «Не виновен». Некоторые добавляли: «...в том смысле, как предъявлено мне обвинение». Рудольф Гесс попытался внести в свой ответ некоторое разнообразие: «Нет. Признаю себя виновным перед богом».

Но это было в первые дни процесса. Постепенно, под давлением убийственных, неопровержимых доказательств их отношение к обвинению менялось. К концу процесса не было ни одного подсудимого, который отрицал бы доказательность обвинения в целом. И все же все они пытались уклониться от признания своей личной ответственности за эти преступления.

Поведение этих зверей в облике человека соответствовало их темному прошлому, полному кровавых преступлений и беспринципных интриг. Они ненавидели друг друга, радовались взаимным неудачам и стремились обелить себя, пусть даже ценою жизни соседей по скамье подсудимых.

Едины они были лишь в одном — в желании валить всю ответственность на покойников — на Гимmlера, Гейдриха, Геббельса, Лея. И больше всего на Гитлера. Они не склонны были признать, что действия фюрера — это их действия, что это они создали его, курили ему фимиам, наделили эту преступно-психопа-

тическую личность огромной властью, разжигали в нем ненависть и вселяли в него чувство страха. Зато в Нюрнберге они изощрялись в подыскании своему главарю нелестных эпитетов.

Никто из них не решился открыто выступить в защиту подлого дела, которому они столько лет служили. Никто не посмел отрицать страшных преступлений, учиненных именем третьей империи. В трибунале они вели себя как типичные уголовные преступники, имеющие за плечами не одну судимость: схваченные с поличным, отрицали свое участие в содеянном. Сваливали на мертвых и на соседей по скамье, только бы спастись. Они шли к эшафоту, как жили: думая только о себе, ненавидя всех, даже тех, кто шел с ними в одном преступном строю в дни власти, в дни военных побед.

Сегодня, когда западногерманские реваншисты, усердно поддерживаемые реакционерами других капиталистических стран, бросают комок грязи в Нюрнбергский процесс, всячески пытаются обелить гитлеровцев, осужденных Международным трибуналом, хочется напомнить слова, произнесенные в Нюрнберге подсудимым Шпеером. Рассказывая о том, как в последние дни войны многочисленные фюреры бежали из Берлина, к которому неумолимо приближались советские войска, он добавил:

«Но никто из них не подумал пощадить народ... Каждый раз, когда я вспоминаю об этом, я прихожу в ярость. Ни один из них не должен войти в историю как человек, заслуживающий малейшего уважения. Пусть вся эта проклятая нацистская система и все ее руководители, включая и меня, получают то бесчестие и позор, которых они заслуживают. Пусть народ забудет о них и начнет строить новую жизнь на разумной, демократической основе».

Шпеер поздно проклял нацистское государство. Долгие годы «в интересах третьего рейха» он совершал множество отвратительных преступлений, но тем не менее эти слова знаменательны.

Любая попытка обелить нацизм и его главарей — преступление против истории, против десятков миллионов его жертв и всего человечества.

МЮНХЕН ОТКРЫВАЕТ ДОРОГУ ВОЙНЕ

В Нюрнберге нацистских главарей судили за то, что они в течение ряда лет являлись руководителями, организаторами и соучастниками заговора против мира и человечества.

Наиболее существенной, самой отвратительной частью заговора являлись преступления против мира.

Подсудимые обвинялись в том, что они преднамеренно и тайно планировали, подготавливали, развязывали и вели агрессивные войны, тем самым нагло нарушая международные договоры, соглашения и обязательства, подписанные самой Германией. В приговоре Международного военного трибунала говорилось:

«Война по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тяжчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных».

Развязывая вторую мировую войну, гитлеровские заговорщики ставили перед собой цель — завоевать мировое господство, построить свою «тысячелетнюю империю» на костях других народов.

Расовая теория и расовая политика должны были, по мысли фашистских главарей, явиться средством «освоения» захваченных территорий. Немцы, говорили они, — это «высшая раса», «раса господ». Они вправе добиваться своего процветания путем истребления одних народов и порабощения других.

И гитлеровцы долго, тщательно готовили свои преступления. Поражение Германии и захват войсками союзников тайных архивов нацистского правительства позволили Международному военному трибуналу с непреложной точностью установить и отметить в своем приговоре основные этапы нацистского заговора против мира и его подлинные цели.

Осуществлению каннибальских планов гитлеровцев во многом способствовала политика сговора правящих кругов США, Англии и Франции с фашизмом, получившая название мюнхенской.

В ее основе лежало стремление разрешить империалистические противоречия за счет единственного в то время социалистического государства — Советского Союза. Поощряя фашистские агрессии и сколачивая единый антисоветский фронт, западные политики стремились толкнуть Германию и Японию на войну с Советским Союзом. Американские, английские и французские империалисты рассчитывали, что в такой войне будет уничтожено Советское государство и резко ослабнут империалистические соперники — Германия и Япония. В результате правящие круги западных стран сумеют поживиться за счет тех и других. Однако мюнхенская политика обернулась прежде всего против ее вдохновителей.

Нюрнбергский трибунал шаг за шагом проследовал по кровавым следам гитлеровского рейха.

Вот документы, раскрывающие факты нарушения Версальского договора, наложившего на Германию определенные ограничения в области вооружения. Нацистский рейх лихорадочно создает вермахт. Уже ремилитаризована Рейнская область на границе с Францией.

Фашисты готовятся к захвату Австрии.

Обвинитель предъявляет протокол беседы Гитлера с австрийским канцлером Шушнигом, которая состоялась в феврале 1938 года в Оберзальцберге. Цель беседы — заставить перепуганного Шушнига подписать Австрии смертный приговор.

Чтение документов заставило Кейтеля и Йодля нервно заерзать на своих местах. И не случайно: оба находились в то время в Оберзальцберге. И каждый раз, когда Шушниг пытался возразить, Гитлер истошно кричал: «Кейтель!». И тот, запыхавшись, вбегал в комнату, давая понять Шушнигу, что ожидает его самого и его страну, если он проявит неуступчивость.

А обвинители продолжают. Вот план нападения на Австрию под условным названием «Отто». Он составлен Кейтелем и Йодлем.

Но перевооружение нацистского вермахта еще не было завершено. Поэтому Гитлер предпочел захватить Австрию без выстрела. А для этого надо прибегнуть к шантажу, к угрозам, надо деморализовать Австрию, создать впечатление неизбежности нападения в случае отказа добровольно капитулировать. И здесь большим мастером провокаций оказывается все тот же Кейтель. Суд располагает его приказами, предписывающими распространять ложные слухи о том, что готовится военное выступление против Австрии. Кейтель

рекомендует распространять эти слухи через «наших таможенных служащих на границе», «через коммивояжеров», сеять панику в связи с тем, что германские войска концентрируются на австрийской границе и т. д.

Кейтель готовит и войска. Но главная ставка — на успех провокации и, конечно, на то, что западные державы и пальцем не пошевелят, чтобы защитить Австрию.

Суд переходит к изучению новых документов.

Австрийское правительство пытается провести в стране плебисцит, во время которого австрийский народ мог бы заявить о своем желании сохранить независимость страны.

На этот раз нервничает Геринг. Он внимательно следит за тем, как обвинитель воспроизводит картину предпринятых «нацистом № 2» мер для срыва плебисцита и свержения правительства Шушнига с помощью нацистской агентуры в Австрии.

Но Геринг не был бы Герингом, если бы он не попытался найти себе хоть какое-нибудь «оправдание». Рейхсмаршал «тысячелетнего рейха» заявляет, что создание нового «правительства» Австрии явилось выражением воли австрийского народа.

Но обвинитель тут же загоняет Геринга в угол. Когда-то, создав гестапо, Геринг установил телефонное подслушивание в Германии. Видимо, гестаповцы перестарались. И вот в руках у обвинителя точная запись телефонных переговоров, которые в решающие часы, предшествовавшие захвату Австрии, Геринг вел со своими агентами в Вене.

Это был один из любопытных и острых моментов Нюрнбергского процесса. Герман Геринг позеленел от злости, когда обвинитель стал читать запись этих переговоров («...какой болван сохранил их!»). Чего

только он не наговорил тогда «сгоряча», как он теперь убеждал суд. Геринг требовал «выгнать» австрийского президента, диктовал своим агентам состав будущего «правительства» Австрии, настаивал, чтобы «облеченное доверием австрийского народа правительство» телеграфно просило его, Геринга, направить в Австрию германские войска. При этом Геринг сам составляет текст телеграммы.

12 марта 1938 года нацистский вермахт оккупирует Австрию.

Еще одна запись телефонного разговора. На этот раз Геринг беседует с Риббентропом, находившимся тогда в Лондоне в качестве германского посла в Англии. Геринг пытается выяснить, проглотит ли английское правительство эту агрессивную акцию нацистов.

Настал черед волноваться Риббентропу. Гитлеровский посол с удовлетворением сообщает Герингу, что британский министр иностранных дел Галифакс совершенно спокойно воспринял сообщение о том, что Австрия стала одной из германских провинций. Риббентроп пригласил Галифакса в Берлин, и тот, как сообщил в своих показаниях на процессе Риббентроп, «принял приглашение, заявив, что с удовольствием приедет, и просил приготовить все для охоты».

Так выглядела мюнхенская политика в действии.

Следующей жертвой гитлеровцев должна была стать Чехословакия.

Обвинители на Нюрнбергском процессе приступили к предъявлению доказательств гитлеровской агрессии против этой страны.

Трибунал изучает секретный военный план вооруженного нападения на Чехословакию под условным названием «план Грюн» («Зеленый план»). Но гитлеровцы и в этом случае надеялись, что им не придется палить из пушек. И эти расчеты строились не на песке.

У нацистов были все основания рассчитывать на то, что правящая верхушка западных держав, глубоко зараженная бациллой антикоммунизма, отдаст им Чехословакию в надежде направить фашистскую агрессию на восток.

Только Советский Союз открыто выступил в поддержку Чехословакии, призывая западные державы организовать единый фронт сопротивления гитлеровской агрессии. Но его усилия не встретили поддержки. Мюнхенцы были верны своей близорукой политике.

Через 20 лет после мюнхенского предательства новые мюнхенцы, вновь ставшие на путь потворства германскому милитаризму (на этот раз боннского образца), пытались представить премьер-министров Англии и Франции, Чемберлена и Даладье, которые вместе с Гитлером в Мюнхене удушили Чехословацкую республику, «мучениками», подставившими «свою голову под стрелы оскорблений и презрения для того, чтобы цивилизованные народы мира имели время обрести боевой дух и мужество».

Но материалы Нюрнбергского процесса свидетельствуют о другом, они раскрывают подлую роль мюнхенской политики.

В связи с этим весьма сложным оказалось в Нюрнберге положение обвинителей западных держав. Английский обвинитель Максвелл Файф, опытный юрист, немало сделавший на процессе для разоблачения нацистской агрессивной политики, очень скоро почувствовал, что не так-то просто будет обойти мюнхенские пороги.

Шел допрос Риббентропа.

Файф приложил много сил, пытаясь столкнуть гитлеровского министра иностранных дел с мюнхенской темы, вынуждая его говорить о «плане Грюн», в подготовке которого Риббентроп активно участвовал, а

Риббентроп упорно уходил от «плана Грюн», сводя весь чехословацкий вопрос к Мюнхену.

Файф задал Риббентропу вопрос о его личном участии в подготовке агрессии против Чехословакии. Но тут вступил в дело адвокат Риббентропа Хорн, который заявил суду, что в выяснении роли Риббентропа в осуществлении «плана Грюн» нет надобности уже хотя бы потому, что сами западные державы санкционировали то, в чем сейчас пытаются обвинить Риббентропа.

Это заявление адвоката вдохновило и самого Риббентропа.

Файф продолжал: «Вы прекрасно знали о «плане Грюн», не правда ли? О том, что военные планы предусматривали покорение всей Чехословакии, не так ли?»

Риббентроп, конечно, знал об этом плане, принимал участие в подготовке его. Но он заявил, что не видит нужды распространяться об этом, так как само британское правительство решило этот вопрос в Мюнхене, решило «так, как этого хотел я с позиций немецкой дипломатии».

Затем Риббентроп принялся рассказывать, как Чемберлен и Даладье подталкивали Чехословакию к гитлеровской плахе.

Не раз Файф уличал подсудимых во лжи. Уличал и Риббентропа. И, пожалуй, умел это делать лучше многих других обвинителей. Но, когда в зале суда говорилось о Мюнхене, Файф угрюмо молчал. Здесь были бессильны и высокий профессионализм юриста, и блестящие способности полемиста.

А вот еще один весьма характерный эпизод.

Американский обвинитель Джексон допрашивает подсудимого Шахта. Заходит речь о Чехословакии. Джексон справедливо обвиняет Шахта в том, что как

только эта страна была захвачена, он, Шахт, ограбил Чехословацкий банк. Но Шахт заявляет, что и это ограбление не могло бы состояться, если бы западные державы не открыли гитлеровцам шлагбаум для оккупации страны. Вот какой диалог состоялся между обвинителем и подсудимым:

«Шахт. Я не могу ответить на ваш вопрос, так как я уже сказал, что имел место не захват, а *подарок*. (Курсив мой.— А. П.) Если мне делается такой подарок, как этот, то я с благодарностью принимаю его.

Джексон. Даже если это не принадлежит тому, кто делает этот подарок?

Шахт. Да. А судить о благовидности этого я предоставляю тем, кто делает такой подарок».

Вряд ли нужно комментировать этот текст.

Представляет интерес и рассказ Геринга о Мюнхенской конференции:

«В действительности все это произошло довольно просто. Ни Чемберлен, ни Даладьё, в конечном итоге, не были заинтересованы в том, чтобы жертвовать или рисковать чем-либо для того, чтобы спасти Чехословакию... Судьба Чехословакии была решена в основном в течение трех часов. После этого они в течение четырех часов спорили по поводу слова «гарантия». Чемберлен казался совершенно незаинтересованным. Даладьё вообще едва обращал на что-либо внимание. Он сидел вот так,— Геринг вытянул ноги, откинулся назад с безразличным выражением на лице.— Все, что он сделал, заключалось в том, что он время от времени одобрял то, что говорил Гитлер. Никакого возражения против чего бы то ни было. Я был просто поражен, как легко все удалось Гитлеру. В конце концов, они ведь знали, что заводы Шкода и другие военные заводы находились в Судетской области и что захват их озна-

чал бы, что Чехословакия будет у наших ног. Когда Гитлер потребовал, чтобы некоторые военные заводы, находящиеся за границами Судетской области, были бы переведены на судетскую территорию, как только она к нам отойдет, я ожидал взрыва, но не последовало и писка. Мы получили все, что мы хотели. Получили вот так! — Геринг щелкнул пальцами. — Они даже не настаивали на том, чтобы проконсультировать чехов, хотя бы для формы. В конце заседания посол Франции в Чехословакии сказал: «Хорошо, теперь мне предстоит передать приговор осужденным!». Вот и все по этому вопросу. Долгий спор по поводу слова «гарантия» был решен тем, что Гитлеру предоставили право гарантировать остальную часть Чехословакии. Они прекрасно понимали, что это значит».

...В 2 часа 30 минут ночи закончилась позорная Мюнхенская конференция. Чемберлен и Даладье возвращаются на автомашинах в отель. Провожая их взглядом, Гитлер с чувством презрения говорит Риббентропу и Отто Абецу:

— «Ужасно, какие это ничтожества!»

Нюрнбергский процесс ярко и убедительно раскрыл роковую роль творцов мюнхенской политики в подготовке и развязывании второй мировой войны.

Итак, с независимостью Чехословакии было покончено. Настал черед Польши.

Суду передается стенограмма секретного совещания, происходившего 23 мая 1939 года у Гитлера. Обвинитель зачитывает список участников совещания. И каждый раз, когда называются имена подсудимых, они вздрагивают. Это Геринг, Кейтель, Редер и другие.

Лейтмотив речи Гитлера на этом совещании был выражен в следующих словах: «Напасть на Польшу при первой подходящей возможности».

Гитлеровские заговорщики составили детальный агрессивный план под условным названием «план Вейс».

Оглашается еще один документ.

Стенограмма совещания у Гитлера 22 августа 1939 года. «Фюрер» заявляет:

В случае войны «нам нечего терять, мы только выигрываем... Я дам пропагандистский повод к войне. Победителя не спрашивают — сказал он правду или нет. При развязывании и ведении войны важно не право, а победа... Весьма возможно, что Запад не вмешается». Руководители Запада — «червяки. Я видел их в Мюнхене».

Нацисты расценили мюнхенский сговор как прямое поощрение к дальнейшим агрессивным действиям.

Гитлер продолжал: «Наша сила — в подвижности и жестокости. Чингисхан с полным сознанием и легким сердцем погнал на смерть миллионы детей и женщин, однако история видит в нем лишь великого основателя государства. Мне безразлично, что говорит обо мне одряхлевшая западная цивилизация. Я отдал приказ и расстреляю каждого, кто скажет лишь слово критики. Приказ гласит: цель войны состоит не в достижении определенной линии, а в физическом уничтожении противника. Поэтому я — пока лишь на Востоке — подготовил мои части «Мертвая голова», отдав им приказ без сожаления и жалости уничтожать мужчин, женщин и детей польского происхождения. Только так мы можем завоевать жизненное пространство».

Говоря о конечных целях нападения на Польшу, Гитлер заявил: эта страна «будет обезлюжена и населена немцами. А в дальнейшем, господа, с Россией случится то же самое, что я проделал с Польшей... мы

разгромим Советский Союз. Тогда грядет немецкое мировое господство».

Это заявление вызвало невероятный энтузиазм у присутствующих на совещании нацистских главарей. Слова Гитлера: «Итак, вперед на врага; встречу отпразднуем в Варшаве» — были покрыты криками одобрения. Геринг вскакивает на стол, он пляшет как дикарь.

В такой обстановке было принято решение о развязывании второй мировой войны.

1 сентября 1939 года германские войска напали на Польшу.

В тот же день германское информационное бюро во всех газетах поместило набранное огромными буквами сообщение: «Поляки напали на радиостанцию в Глейвице». Через несколько часов появилось новое сообщение о том, будто бы «одновременно с этим польские партизаны... перешли германскую границу еще в двух местах».

По гитлеровской версии, поляки совершили агрессивное нападение на германскую территорию. Поэтому фашистское командование якобы в порядке обороны отдало приказ своим войскам о наступлении на Польшу.

Это и был «пропагандистский повод к войне», о котором говорил Гитлер на совещании 22 августа.

Что же в действительности произошло в Глейвице?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос дал в своих показаниях трибуналу эсэсовец Науджок.

«Я, Альфред Хельмут Науджок, даю под присягой следующие показания:

Примерно 10 августа 1939 года начальник полиции безопасности и «особой службы» Гейдрих приказал мне лично инсценировать покушение на радиостанцию в Глейвице, близ польской границы, и придать этому

делу такой вид, будто нападение произведено поляками. Для этой цели должны были быть использованы немецкие солдаты числом примерно до одной роты... Мюллер¹ сказал, что в его распоряжении имеется двенадцать или тринадцать осужденных преступников, на которых должны были надеть польские мундиры и трупы которых должны были быть оставлены на месте происшествия для того, чтобы показать, что эти люди были убиты якобы во время нападения. Было также предусмотрено, чтобы на трупах оказались огнестрельные раны. После окончания инсценировки на место происшествия должны были прибыть представители печати и другие лица; после чего нужно было составить полицейский отчет».

По этому плану и была проведена инсценировка «нападения» поляков на германскую радиостанцию в Глейвице.

Так, используя провокации, не брезгуя любыми преступлениями, гитлеровская клика развязала вторую мировую войну.

¹ Начальник 4-го управления главного управления имперской безопасности.

НАЧАЛО КОНЦА

Огнем и мечом утверждал вермахт свое господство в Европе. Одна за другой завершились молниеносные кампании против Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции, Югославии, Греции. Гитлеровские генералы, опьяненные легкими победами, уверовали в свою непобедимость. Нацистская верхушка славила «полководческий дар» «фюрера».

Опьяненные военными успехами на Западе, гитлеровцы совершили роковой для них шаг. В ночь с 21 на 22 июня 1941 года, вероломно нарушив советско-германский пакт о ненападении, фашистская армия по-разбойничьи напала на Советскую страну. Это было началом конца фашистского государства и «нового порядка», установленного им в поработанных странах.

Выяснение обстоятельств нападения на СССР было кульминационным пунктом Нюрнбергского процесса.

Ганс Фриче, руководитель прессы третьего рейха, заявил в своих показаниях:

«В ночь с 21 на 22 июня 1941 года Риббентроп вызвал меня около пяти часов утра в помещение министерства иностранных дел на совещание, на котором

присутствовали представители нашей и иностранной печати. Риббентроп сообщил нам, что в тот же самый день начинается война против Советского Союза, и просил германскую печать представить эту войну против Советского Союза как войну превентивную... для того, чтобы опередить советское наступление. «И я прошу вас,— сказал Риббентроп,— освещать дело именно таким образом».

Превентивная война! Может быть, нет смысла сейчас возвращаться к этой насквозь лживой версии, разоблаченной самой историей? Нет, смысл есть, и немалый, ибо этот отравленный тезис, призванный оправдать вопиющую разбойничью агрессию, в наши дни подхвачен не только боннскими неофашистами, но и многими милитаристами Запада.

Как же обстояло дело в действительности?

Гитлеровское командование стремилось, чтобы нападение на СССР было осуществлено в условиях стратегической внезапности. Для успеха операции подготовка к ней в течение почти целого года, вплоть до момента нападения, сохранялась в тайне.

После поражения Франции германским генеральным штабом был разработан стратегический план высадки нацистских войск на Британские острова, получивший кодовое наименование «план Зеелеве» («Морской лев»).

Но уже 17 сентября 1940 года в связи с решением напасть на Советский Союз Гитлер отдал распоряжение отодвинуть «день X» (день нападения) по «плану Зеелеве» на неопределенное время.

Наконец 12 октября 1940 года был отдан приказ о прекращении всех мероприятий по подготовке вторжения в Англию.

В Нюрнберге Кейтель и Йодль признали, что начиная с 17 сентября 1940 года «план Зеелеве» как

план реальной военной операции был отменен. Но он продолжал существовать как одна из форм грандиозной военной провокации, затеянной германским генштабом.

В напряженные месяцы подготовки агрессии против СССР нацисты решили усилить пропаганду «плана Зеелева» в печати и по радио для дезинформации той страны, на которую в действительности готовили нападение.

15 февраля 1941 года ОКВ издало за подписью Кейтеля специальную директиву. В ней говорилось: «Цель дезинформации заключается в том, чтобы скрыть подготовку к операции «Барбаросса» (кодовое наименование плана агрессии против СССР). Эта главная цель должна лечь в основу всех мероприятий по дезинформации противника».

Уже шло накопление германских сил на востоке, 18 декабря 1940 года был подписан «план Барбаросса», Гитлеру доложили о степени готовности армии для нападения на СССР, а Геббельс и Фриче все еще надрывно кричали о предстоящем нападении на Англию. Между тем летчики Геринга резко сократили налеты на Англию. Обозреватель газеты «Дейли телеграф энд Морнинг пост» писал в конце января 1941 года: затишье почти наверняка связано с германскими приготовлениями к какому-либо новому большому наступлению. «Можно сделать вывод,— сообщает газета,— что Германия накапливает резервы опытных летчиков».

На Нюрнбергском процессе обвинители предъявили ряд документов, из которых с полной очевидностью стала ясной коварная стратегия Кейтеля и Йодля.

Кейтеля знакомят с официальной записью совещания у Гитлера 3 февраля 1941 года, которая не остав-

ляет камня на камне от фашистского тезиса о превентивном характере войны против СССР.

Кейтель вынужден был признать, что именно на этом совещании он докладывал Гитлеру о ходе переброски войск на восток. Это было более чем за четыре месяца до начала войны, т. е. тогда, когда даже самые отъявленные нацистские лжецы не говорили об «опасности с востока».

Наступил март 1941 года. Кейтель и Йодль продолжали маскировать подготовку нападения на Советский Союз. Правда, с каждым днем это становилось все труднее: на восток перебрасывались огромные массы войск.

С целью дезинформации распускались слухи о каком-то десантном корпусе, который лишь временно находится на востоке, а на самом деле предназначен для высадки в Англии.

Был отдан приказ печатать в массовом количестве и распространять в войсках, сосредоточенных на востоке, топографические материалы по Англии. В ряде районов на побережье проливов Ла-Манш, Па-де-Кале и в Норвегии были размещены ложные ракетные батареи, призванные якобы обеспечить вторжение на Британские острова.

В той же связи 2 марта 1941 года в Берлине организуется обширная пресс-конференция. Выступавший на конференции представитель германского верховного командования Бате уверял многочисленных иностранных корреспондентов, что германское командование никогда не совершит «трагической ошибки» Вильгельма II, санкционировавшего войну на два фронта.

А между тем германские и польские железные дороги были забиты транспортом нацистских войск, направляющихся с запада на восток!

Таковы исторические факты, убедительно подтверждавшие преднамеренное и коварное нарушение гитлеровской Германией договора о ненападении, который был заключен с СССР в 1939 году. Агрессивный, разбойничий характер этого нападения не вызывал сомнения.

И тем не менее даже в Нюрнберге некоторые подсудимые пытались защищать лживый фашистский тезис о предупредительном характере войны против СССР. Вот выдержка из протокола судебного заседания по этому вопросу:

«Покровский (заместитель главного обвинителя от СССР). Позавчера, 5 июня, вы заявили, что нападение на СССР, которым Германия нарушила свой договор об отношениях с Советским Союзом, носило характер превентивной войны. Не так ли вы сказали?»

Йодль. Да, я это сказал. Это была превентивная война».

И тут Йодля уличил во лжи... сам Йодль.

В руках обвинителей на процессе — стенограмма совещания гитлеровских гаулейтеров, созванного в Мюнхене в 1943 году.

Начальник штаба оперативного руководства ОКВ Йодль, оказывается, рассказывал на этом сборище о том, как проходила подготовка войны против СССР. «...Еще в тот период времени, когда продолжалась кампания на Западе (т. е. летом 1940 года.— А. П.),— заявил он,— Гитлер информировал меня о своих намерениях выступить против СССР».

За свидетельским пультом нацистский генерал Варлимонт, являвшийся заместителем начальника оперативного отдела германского верховного главнокомандования (ОКВ). Отвечая на вопрос, когда впервые германский генеральный штаб получил задание

подготовить план нападения на Советский Союз, Варлимонт показал: «Лично я впервые услышал об этом плане 29 июля 1940 года. В этот день генерал-полковник Йодль прибыл в специальном поезде на станцию Рейхенгалле, где находился отдел «Л» штаба оперативного руководства... Йодль ошеломил нас этим сообщением, к которому мы не были подготовлены.

Смысл слов Йодля был следующий: он заявил, что Гитлер решил готовить войну против России. Гитлер это обосновал тем, что поскольку война против России должна произойти так или иначе, то лучше будет эту войну начать уже сейчас, во всяком случае начать подготовку к ней».

Сильный удар по лживой легенде о превентивной войне против СССР нанесли показания бывшего фельдмаршала Паулюса, командовавшего 6-й германской армией под Сталинградом и плененного там советскими войсками.

Во время подготовки войны против СССР Паулюс являлся заместителем начальника главного штаба сухопутных войск. Вот об этом периоде своей службы он и дал в Нюрнберге следующие показания:

«3 сентября 1940 года я начал работать в главном штабе командования сухопутных войск в качестве обер-квартирмейстера. В качестве такового я должен был замещать начальника главного штаба, а в остальном должен был выполнять отдельные оперативные задания... После моего назначения я нашел в той области, в которой я должен был работать, еще не готовый оперативный план, который касался нападения на Советский Союз... Начальник штаба сухопутных сил генерал-полковник Гальдер поручил мне дальнейшую разработку этого плана, начатого на основании директивы ОКВ...

...Разработка, которую я сейчас обрисовал, была

закончена в начале ноября и завершилась двумя военными играми, которыми я руководил по поручению главного штаба сухопутных войск. В них принимали участие старшие офицеры генерального штаба».

Паулюса спросили в Нюрнберге: располагало ли гитлеровское военное командование какими-нибудь данными о подготовке со стороны Советского Союза нападения на Германию? По этому поводу он показал: «Примечательным является то, что тогда ничего не было известно о каких-либо приготовлениях со стороны России».

Так, в Нюрнберге под напором фактов лопнула как мыльный пузырь версия о превентивной войне; лопнула, чтобы через много лет вновь ожить в «трудях» фальсификаторов истории, каких немало на Западе.

Какие же военно-стратегические и экономические цели преследовали нацистские главари, составляя «план Барбаросса»?

Основная его идея была выражена следующим образом: «Немецкие вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию».

Разрабатывая планы военного разгрома СССР, нацистские главари готовили для нашего народа цепи невыносимого по своей тяжести экономического и политического рабства.

«В интересах долговременной экономической политики,— заявлял Геринг,— все вновь оккупированные территории на Востоке будут эксплуатироваться как колонии и при помощи колониальных методов».

Война едва началась, а на Унтер-ден-Линден в Берлине, в бывшем здании советского посольства, где разместилось ведомство Альфреда Розенберга, скло-

нившись над картами СССР, уже корпели будущие рейхскомиссары оккупированных советских территорий. Они продолжали разработку планов управления и эксплуатации оккупированных территорий Советского Союза.

Большое волнение в зале суда вызвал предъявленный обвинителями документ — запись совещания у Гитлера от 16 июля 1941 года.

Протокол этого совещания составил Борман, заместитель Гитлера по руководству национал-социалистической партией. Этот документ тем более ценен сегодня, когда западноевропейские реваншисты из числа тех, кто подвизается на ниве истории второй мировой войны, пытаются представить гитлеровскую оккупацию территорий СССР как некое «благоденствие для населения», стремятся приписать политике нацистов «идеалистические цели».

Ознакомимся с этим протоколом.

«Ставка фюрера. 16 июля 1941 года.

Секретный документ государственной важности.

Запись для архива.

По указанию фюрера сегодня в 15 часов у него состоялось совещание с участием рейхслейтера Розенберга, рейхсминистра фельдмаршала Кейтеля, рейхсмаршала (Геринга.— А. П.) и меня. Совещание началось в 15 часов и, включая перерывы на кофе, длилось до 20 часов».

Гитлер сразу же внес ясность в вопрос о том, кто должен извлечь выгоду из войны с Советским Союзом. Одно дело — пропаганда Геббельса, утверждающая, что это война всей Европы против «русского большевизма», другое дело — кто получит возможность «эффективно грабить страну», кому будет предоставлено

право вывозить оттуда хлеб, нефть, уголь и другие трофеи.

«Открывая совещание, фюрер сообщил, что он хочет сделать несколько принципиально важных заявлений. Сейчас необходимо наметить ряд мер, своевременность которых доказывается, между прочим, бесстыдным выпадом одной вишийской газеты, заявившей, будто война против Советского Союза есть война всей Европы и ее, дескать, нужно вести на пользу всей Европе. Очевидно, вишийская газета хочет добиться того, чтобы из этой войны извлекали пользу не только немцы, но и все европейские государства».

Такое посягательство на монопольное право нацистов грабить Советский Союз пришлось не по вкусу участникам совещания и было решительно отвергнуто.

«Итак,— заявил Гитлер на этом совещании,— мы снова будем подчеркивать, что вынуждены оккупировать территории, навести там порядок и обеспечить безопасность; в интересах местного населения мы-де обязаны позаботиться о спокойствии, снабжении, транспорте и т. д. и т. п. Для этого и вводятся наши порядки. Никто не должен догадываться, что эти порядки окончательные. Все необходимые меры — расстрелы, выселение и т. д.— мы проведем, несмотря ни на что.

Мы должны действовать так, как будто осуществляем некий мандат. Однако для нас самих должно быть ясно, что из этих областей мы никогда не уйдем.

В принципе речь идет о том, чтобы удобно разделить огромный пирог, дабы мы могли им:

во-первых, овладеть,

во-вторых, управлять,

в-третьих, эксплуатировать».

И дальше обсуждался вопрос о расчленении Советского Союза. Совещание решает, что «Крым сле-

дует очистить от всех инородцев и заселить немцами, Прибалтика должна быть включена в империю, Одесса подлежит передаче Румынии», Кольский полуостров богат никелем, поэтому решено не передавать его финнам, а «присоединить к империи». «Финны претендуют на район Ленинграда, — значит в протоколе совещания, — однако фюрер сначала сровняет Ленинград с землей, а затем отдаст его финнам».

Так нацисты планировали расчленение Советского Союза, порабощение советского народа, грабеж природных богатств, установление кровавого террористического режима на оккупированных территориях.

ЧУДОВИЩНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГИТЛЕРОВЦЕВ И ИХ ЦЕЛИ

...Март 1946 года. Обвинители на процессе закончили представление доказательств виновности гитлеровской клики. Наступило время допроса подсудимых.

Первым был вызван для дачи показаний Герман Геринг. Его допрос длился 10 дней. Значительное время было потрачено на выяснение роли Геринга в установлении власти фашизма в Германии, в подготовке и развязывании целой серии агрессивных войн. Но если бы кто-нибудь имел возможность спросить Геринга, какое из обвинений тревожило его больше других, то получил бы ясный и недвусмысленный ответ: военные преступления. Конечно, и агрессия, нападения на другие страны тоже тяжкое обвинение. Но здесь все-таки можно было сослаться на мюнхенскую политику западных держав, попытаться обвинить другие государства, что они-де сами готовились напасть на Германию, и потому последняя вынуждена была прибегнуть к превентивному удару. Можно, наконец, затеять длинную дискуссию по поводу того, считало ли международное право до 1939 года агрессию преступлением. Словом, можно было бы попытаться пустить пыль в глаза.

А что сказать по поводу убийства миллионов людей, по поводу превращения в зону пустыни десятков крупнейших городов? Отрицать это невозможно. И по этому поводу нет таких документов, как резолюции Лиги наций, которые защита может отвести, заявив, что они так и остались нератифицированными. Зато существуют международные конвенции, напоминающие уголовные кодексы и устанавливающие, какие действия воюющего государства являются нарушением международного права, т. е. международным преступлением...

А впрочем, знали ли гитлеровские руководители, что такое международное право, что такое Гаагские и Женевские конвенции? Конечно, знали. И они не скрывали этого от суда. Кейтель даже пытался объяснить суду, что теперь, собственно, любое военное столкновение сопровождается нарушениями законов и обычаев войны. Он говорил: в современные армии призываются многие миллионы людей — поди уследи, чтобы один в состоянии запальчивости не убил военнопленного, а другой, польстившись на чужое добро, не ограбил мирного жителя.

Но Геринг не прибегает к подобным объяснениям. Изворотливый ум его находит другое, «более подходящее» объяснение. По крайней мере так кажется бывшему рейхсмаршалу третьей империи. Геринг заявляет на суде:

— Впервые я бегло ознакомился с Гаагской конвенцией непосредственно перед конфликтом с Польшей и очень сожалел, что не изучил ее гораздо раньше. Тогда бы я сказал фюреру, что в соответствии с этой конвенцией ни при каких обстоятельствах нельзя вести современной войны, что вследствие усовершенствования техники ведения войны мы, безусловно, вступим в конфликт с правилами, установленными в

тысяча девятьсот шестом или тысяча девятьсот седьмом годах...

Мысль в общем-то не сложная. И подсудимые в Нюрнберге ухватились за нее. Да, конвенции запрещают убивать или ранить мирное население. Но в современной войне это основное правило неизбежно нарушается. Авиация переносит ныне военные действия через головы воюющих армий, бомбит заводы и фабрики, нередко расположенные в густонаселенных городах. Разве можно в этих условиях избежать уничтожения гражданского населения?!

Ложью, самой наглой ложью были исполнены эти циничные попытки гитлеровской клики ввести суд в заблуждение.

Но существовало одно важнейшее обстоятельство, которое особенно наглядно показывало, что все действия гитлеровцев полностью противоречат самым элементарным юридическим нормам. Это — цели и средства их осуществления, которые поставили перед собой гитлеровцы, развязывая вторую мировую войну. Цели, которые вытекали из человеконенавистнической сущности фашизма, из его расовых теорий, на основе которых была намечена политика массового уничтожения людей, целых народов. На Нюрнбергском процессе эти цели гитлеровской клики были раскрыты.

Приводились следующие высказывания фашистского «фюрера». «Мы должны, — говорил Гитлер своим сообщникам, — развить технику обезлюживания до совершенства. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюживанием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц. И это — то, что я намерен осуществить, это, грубо говоря, моя задача. Природа жестока, поэтому и мы можем быть жестокими. Если я могу послать цвет германской нации в пекло войны без малейшего сожаления о пролитии ценной

германской крови, то, конечно, я имею право устранить миллионы низшей расы, которая размножается, как черви!».

«Обезлюживание», массовые убийства — все это было связано с основной целью, поставленной перед собой нацистами. В интересах крупнейших германских монополий они стремились подчинить весь мир, завоевать мировое господство.

Гитлеровцы выработали планы ряда военно-стратегических операций, как бы вытекавших одно из другого. В эту цепь операций были включены захват Западной Европы (Франции, ряда малых государств, Англии — операция «Морской лев», Швейцарии — «Танненбаум», Швеции — «Поларфукс») и завоевание Советского Союза («план Барбаросса»). Затем они рассчитывали захватить весь Восток и, наконец, Америку.

Немецко-фашистские планы захвата мирового господства были сорваны героической борьбой советского народа и окончательно похоронены в ходе решающих побед Советской Армии над гитлеровскими захватчиками. Но до этого было еще очень далеко. А тогда, в 1941 году, гитлеровские орды продвигались на восток, руководствуясь «планом Ост» («или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы»).

...В зале суда показания дает генерал войск СС Бах-Зелевский. Он рассказывает, как в начале 1941 года, еще до нападения на Советский Союз, Гимлер на совещании эсэсовских главарей заявил своим подручным, что целью похода на Восток является уничтожение 30 миллионов славян.

Цели, которые были поставлены гитлеровской кликой, не могли быть достигнуты на полях сражения.

И началась разработка обширной системы мер по массовому истреблению людей — и мирного населения, и захватываемых военнопленных — и превращению людей в рабов, с тем чтобы потом уничтожить их непосильным трудом, и разрушения дотла городов и сел.

Гитлеровский агрессивный план не ограничивался лишь оперативно-стратегическими документами. Он состоял наряду с последними из целой серии приказов, детально предусматривавших совершение самых тяжчайших преступлений против человечества.

Когда на Нюрнбергском процессе были представлены многочисленные документы, раскрывавшие эти подлинные цели войны, Геринг мог понять, что его ссылка на «устарелость» Гаагских конвенций, на развитие военной техники бита. Какое, действительно, отношение имеет прогресс военной техники к Освенциму и Майданеку, к 12 миллионам людей, убитых в концлагерях и расстрелянных во рвах.

Гитлеровская клика понимала, что своими приказами она требует от войск самых преступных действий. Поэтому, чтобы развязать низкие инстинкты, создать уверенность у исполнителей чудовищного плана уничтожения в своей полной безнаказанности, гитлеровское командование заранее амнистировало этих исполнителей. Нацистская Германия напала на СССР 22 июня 1941 года. Но еще 13 мая 1941 года в гитлеровском приказе «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»...» было предусмотрено, что «возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление...»

В другом приказе, посвященном организации борьбы против советских партизан, говорится, что

«войска имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху. Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд (т. е. партизан), — указывалось в директиве, — за свое поведение... не может быть привлечен к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке». Так увязывались чудовищные бредовые цели главарей нацистской империи со средствами их осуществления. Нацистские маньяки, получив неограниченную власть над миллионами немцев, не останавливались перед любым преступлением для осуществления своих планов мирового господства. Массовые убийства были составной частью этих планов.

УБИЙСТВА ВОЕННОПЛЕННЫХ

...В зал Трибунала ввели бывшего генерал-фельдмаршала гитлеровской армии Манштейна. Здесь он еще свидетель, вызванный защитой для того, чтобы убедить суд в непричастности германского генералитета к нацистским преступлениям.

Вот послушайте Манштейна, рассчитывала защита, и вы убедитесь, сколь нелепо обвинять германских генералов в совершении военных преступлений.

«Я сорок лет был солдатом, — заявил в своих показаниях суду Манштейн. — Я происхожу из солдатской семьи и воспитан в солдатских понятиях... Наш идеал — и это относится также и к моим товарищам — мы видели не в ведении войны, как таковой, а в воспитании из нашей молодежи честных людей и достойных воинов...»

Так говорил Манштейн, и именно эти и подобные места из своих показаний он охотно приводит в своих

послевоенных писаниях. А современные западногерманские реваншисты всячески поднимают на щит своего кумира, делают из него икону, на которую призывают молиться солдат бундесвера.

Германские милитаристы совершали чудовищные преступления? Так ведь это выдумка, твердил поначалу Манштейн в своих показаниях на Нюрнбергском процессе. Уничтожали военнопленных? Да это же клеветы на «честных германских солдат»! Манштейн глубоко возмущен, что такое обвинение брошено людям «солдатских понятий». И он вспоминал «эпизод», который должен был убедить Международный трибунал в «нелепости» таких обвинений.

«Однажды,— говорит Манштейн,— когда я был командующим армейской группой, я видел, как один немецкий солдат ударил военнопленного прикладом, чтобы дать место моей машине, которая проезжала мимо колонны военнопленных. Я немедленно остановил машину, установил личность этого солдата и на следующий день вызвал к себе его командира, которому приказал наказать этого солдата».

Так пытался обелить себя, а заодно и других гитлеровских милитаристов этот нацистский фельдмаршал.

Но факты — упрямая вещь. И под напором огромного количества документальных доказательств оказались вынужденными рассказать правду и некоторые высокопоставленные гитлеровские генералы.

Международное право издавна установило, что воюющие государства должны относиться к военнопленным человеколюбиво, что единственной целью военного плена является воспрепятствование дальнейшему участию военнопленных в военных действиях.

Но нацистская политика и в этом вопросе была лишь частью их общей политики, направленной на то,

чтобы всеми силами «уменьшить биологический потенциал противника», а проще говоря, ликвидировать взятых в плен солдат и офицеров либо прямо их уничтожая, либо доводя до смерти плохим питанием, непосильным трудом, пытками и издевательствами.

Вот что установил Международный трибунал:

«Обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью. Смерть многих из них являлась результатом не только действий отдельных членов охраны или условий жизни в лагерях, доходивших до крайностей. Она являлась результатом систематического плана совершения убийств».

Ныне западногерманские реваншисты, стремясь реабилитировать гитлеровских генералов, занявших высокие посты в бундесвере, пытаются замазать факты чудовищных преступлений против военнопленных.

Но на Нюрнбергском процессе были полностью разоблачены всевозможные ухищрения нацистских преступников и их защитников, их попытки уйти от ответственности.

Оглашаются показания генерала Гальдера — бывшего начальника гитлеровского генштаба. Не желая того, он вынужден признать, что «...до начала наступления на Россию (разрядка моя.— А. П.) фюрер созвал совещание всех командующих... На этом совещании фюрер сказал, что в войне против русских должны применяться средства войны не те, что против Запада. Он сказал, что борьба между Россией и Германией — это борьба между расами...» А отсюда следовал вывод Гитлера о том, что «обращение с их (Советского Союза.— А. П.) военнопленными не должно быть в соответствии с положениями Гаагской конвенции».

А вот еще один свидетель. Это гитлеровский гене-

рал-лейтенант Курт фон Эстеррейх. На том самом совещании, о котором говорил Гальдер, возник вопрос: как быть с теми русскими военнопленными, которые в результате ранений или истощения непригодны к работе. Как показал Эстеррейх, совещание приняло решение умерщвлять таких военнопленных при помощи яда. «В результате обсуждения,—показал Эстеррейх,—Гревенитц (представитель ОКВ.—А. П.) отдал нам приказание — нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей».

В зале суда бывший заместитель начальника разведывательного управления германского вермахта генерал Лахузен. Ему предъявляются архивные и иные документы. И, понимая всю бесцельность отрицания их, Лахузен раскрывает чудовищную картину нацистских преступлений. Он вспоминает о совещании, которое состоялось уже в первые дни после нападения на Советский Союз. Своими показаниями и он наносит уничтожающий удар по выдумкам о том, будто бы военные преступления совершались лишь гестаповцами и эсэсовцами, а германские войсковые части и генералы в этом неповинны.

Лахузен на вопрос обвинителя сообщает состав участников этого совещания. И сразу становится очевидной ложь о непричастности германского генералитета к преступлениям нацизма. Председательствовал на совещании представитель ОКВ генерал Рейнеке (а рядом с ним сидел начальник гестапо обергруппенфюрер Мюллер). О чем же договаривались на совещании? Лахузен бесстрастным тоном сообщает:

— Предусматривались две группы мероприятий, которые должны были быть осуществлены. Во-первых, умерщвление русских комиссаров и, во-вторых, умерщвление всех тех элементов среди русских военноплен-

ных, которые должны были быть выявлены СД, то есть большевиков или активных носителей большевистского мировоззрения.

Обвинитель спрашивает:

— Узнали ли вы... из этого обсуждения, каковы были основы, вызвавшие появление такого рода приказов?

Лахузен. Основа появления таких приказов была в общих чертах обрисована генералом Рейнеке. Война между Германией и Россией, мол, не война между двумя государствами или двумя армиями. Это война двух мировоззрений — мировоззрения национал-социалистского и большевистского. Красноармеец не рассматривается как солдат в обычном смысле слова, как это понимается в отношении наших западных противников. Красноармеец должен рассматриваться как идеологический враг, то есть как смертельный враг национал-социализма, и поэтому должен подвергаться соответствующему обращению.

Главный советский обвинитель Р. А. Руденко задает Лахузину вопрос:

— Я прошу уточнить, что означал у вас термин «соответствующее обращение».

Лахузен. Под этим я подразумеваю все те жестокие мероприятия, которые практически проводились...

И дальше выясняется, что были созданы специальные отряды («эйнзатцкоманды») СД, которые и осуществляли казнь военнопленных красноармейцев.

...Наступил один из наиболее кульминационных дней процесса. Суд призвал к ответу Кейтеля, начальника ОКВ. Р. А. Руденко предъявляет Кейтелю приказ ОКВ от 12 мая 1941 года, которым предписывалось массовое и поголовное уничтожение офицеров-политработников Красной Армии.

Руденко. Вы не отрицаете, что еще в мае, более чем за месяц до войны, уже был запроектирован документ об уничтожении русских политических и военных работников. Вы не отрицаете этого?

Кейтель. Нет, я не отрицаю этого, это было результатом тех распоряжений, которые были доведены до сведения и письменно разработаны генералами в данном документе.

«Разработаны генералами»! Да, сам Кейтель вынужден был признать, что германский генералитет принимал самое активное участие в нацистских преступлениях!

Обвинитель предъявляет Кейтелю утвержденные им правила об обращении с советскими военнопленными, в которых говорилось:

«Большевицкие солдаты не имеют право на то, чтобы с ними обращались как с честным противником в соответствии с правилами Женевской конвенции.

При малейшем намеке на неподчинение должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии. Неподчинение, активное или пассивное сопротивление должны быть сломлены немедленно силой оружия... Каждый, кто не прибегнет к своему оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию... В военнопленных, пытавшихся бежать, следует стрелять без предварительного оклика. Никогда не следует делать предупреждающего выстрела. Использование оружия против военнопленных является законным».

Для каждого было очевидно, что это призыв к прямому уничтожению значительной части советских военнопленных.

Гигантский размах этих преступлений, предусмотренных изложенным выше приказом, пугал даже начальника германской разведки адмирала Канариса.

Он опасался, как бы противник в ответ не применил такие же меры в отношении немецких военнопленных. Вот почему 15 сентября 1941 года Канарис, прочитав приказ ОКВ, пишет начальнику верховного командования германских вооруженных сил фельдмаршалу Кейтелю, что «пребывание в военном плену не является ни мезтью, ни наказанием, но исключительно превентивным заключением, единственной целью которого является воспрепятствовать данному военнопленному участвовать в дальнейшем в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии с точкой зрения, разделявшейся всеми армиями о том, что убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции».

Руденко спрашивает Кейтеля, как он отнесся к этому документу. И Кейтель делает неуклюжую попытку солгать.

Кейтель. Я разделял в общем сомнения Канариса...

Тогда Руденко предъявил подсудимому подлинник доклада Канариса с его резолюцией.

Кейтель. Я знаю этот документ с пометками на полях.

Руденко. Это документ Канариса, который вы считаете правильным. Ваша резолюция следующего содержания: «Эти положения соответствуют представлениям солдата о рыцарском способе ведения войны. Здесь речь идет об уничтожении целого мировоззрения, поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их. Кейтель».

Кейтель. Да, я написал это в качестве решения после доклада фюреру... Я это написал.

Руденко. Там не написано, что это фюрер так сказал, там написано: «Я... покрываю... Кейтель». Стало быть...

Кейтель. Это я признаю здесь под присягой, и я уже ранее говорил это, до того, когда я это прочел.

Советский обвинитель продолжал:

— Я спрашиваю вас, в связи с этой резолюцией, вы, подсудимый Кейтель, именуемый фельдмаршалом, неоднократно здесь перед трибуналом называвший себя солдатом, вы своей кровавой резолюцией в сентябре 1941 года подтвердили и санкционировали убийство безоружных солдат, попавших к вам в плен? Это правильно?

И припертый к стенке матерый гитлеровский преступник, империалист вынужден был сквозь зубы прошипеть:

— Я беру на себя эту ответственность.

В Нюрнберге оглашались показания Курта фон Эстеррейха, сообщившего, что он после начала войны, «находясь на Украине, получил из ставки совершенно секретный приказ, подписанный Гиммлером, о том, что с августа 1942 года должно производиться клеймение русских военнопленных определенным знаком».

17 июля 1941 года гестапо издало приказ, предусматривавший уничтожение всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма. Приказ, в частности, гласил: «Прежде всего должны быть обнаружены (среди военнопленных.— А. П.) следующие лица: все крупные деятели государства и партии, в особенности профессиональные революционеры... Все комиссары Красной Армии... Руководящие деятели промышленности и хозяйства, сотрудники службы разведки и контрразведки, все евреи, все лица, в отношении которых будет доказано, что они являются агитаторами или фанатичными коммунистами. Казни не должны иметь место в самом лагере или в непосредственной близости от него...»

Международное право и военные традиции уже давно рассматривают побег военнопленного с целью продолжать борьбу как законный акт, как акт доблести и патриотизма. Поэтому, в случае поимки, такие военнопленные не должны подвергаться уголовному наказанию. Но по-другому смотрели на это фашисты.

В марте 1944 года командование сухопутными силами издало декрет «Пуля», согласно которому все бежавшие военнопленные офицеры и унтер-офицеры, в случае их поимки, должны были быть переданы карательным органам. Уличенные в побеге должны были посылаться в концентрационный лагерь Маутхаузен, где их убивали выстрелом в затылок.

Бежавшие советские военнопленные уничтожались поголовно; нередко эта мера применялась и к американским, и английским военнопленным.

...Гитлеровский концлагерь Саган. В этом лагере содержалась большая группа пленных английских летчиков. Условия в лагере ужасные. Летчики решаются на побег. В течение длительного времени, тщательно соблюдая конспирацию, они прорыли для побега 99 тоннелей. Это был огромный, изнуряющий труд. И вот 80 английских летчиков в марте 1944 года совершили побег. О побеге стало известно Кейтелю. Он хорошо знает, что международное право запрещает применять меры наказания за побег из плена. Однако Кейтель предписывает расстрелять всех английских летчиков. Тогда один из военнослужащих напомнил ему о нормах международного права. Фельдмаршал вышел из себя: «Они будут расстреляны, и вы опубликуете объявление об этом в тех лагерях, где содержатся военнопленные».

Кейтель решил этим расстрелом 80 невинных людей припугнуть тысячи других военнопленных.

Так на деле выглядела побасенка о «рыцарских отношениях», якобы существовавших между английскими и германскими летчиками.

Изощренные нацистские палачи с дьявольской изобретательностью применяли различные способы уничтожения советских военнопленных.

Так, в районе советских деревень Большая и Малая Воля десятки пленных, построенных в сомкнутые ряды, в течение четырех суток гонялись гитлеровцами по заминированному полю. Этот способ убийства военнопленных, как установлено в Нюрнберге, был предусмотрен приказами германского командования.

В распоряжении по 203-му пехотному полку за № 109 говорилось: «Главкомандующий армией фельдмаршал Рундштедт приказал в целях сохранения германской крови поиски мин и очистку минных полей производить силами русских пленных. Это относится также и к германским минам».

В заседаниях Международного военного трибунала были исследованы обстоятельства убийства гитлеровцами больных и раненых советских военнопленных.

Перед глазами судей в Нюрнберге проходил один факт кошмарнее другого: 4 декабря 1943 года на станцию Севастополь прибыли из города Керчи 3 эшелона раненых военнопленных из керченского десанта. Загрузив ими баржу водоизмещением в 2,5 тысячи тонн, стоявшую в Южной бухте у пристани, немцы подожгли ее. Раздались душераздирающие крики военнопленных. Находившиеся поблизости женщины не могли оказать раненым никакой помощи, так как их от места пожара отогнала жандармерия. Тысячи людей погибли в огне.

На другой день в такую же баржу погрузили еще 2 тысячи человек из числа раненых военнопленных,

привезенных из Керчи. Баржа ушла в открытое море, где раненые были потоплены.

Невероятным издевательствам, садистским пыткам подвергались и военнопленные других союзных стран.

Об этом рассказал в Нюрнберге один из заключенных концентрационного лагеря в Маутхаузене, француз Морис Ламп.

Вот некоторые из его показаний. 6 сентября 1944 года прибыл в Маутхаузен небольшой транспорт. Это были 47 английских офицеров, а также американцы и голландцы. Все — летчики, спустившиеся на парашютах. Офицеры были взяты в плен полтора года тому назад, пытались бежать и за это были приговорены к смерти. Они были почти совсем раздеты и босы. Утром их собрали около канцелярии и объявили смертный приговор. Один американский офицер просил коменданта лагеря, чтобы его казнили так, как это подобает солдату. Последовал ответ: «удары хлыстом, только удары». Их казнь осталась у всех в памяти в Маутхаузене. Это была, как сказал свидетель, «картина Дантова ада».

Несчастных отправили в каменоломню, их спустили в низ лестницы и там на плечи накладывали камни — 25—35 килограммов, которые они должны были нести наверх. Первое путешествие заканчивалось под ударами палки. Затем следовал спуск бегом. При втором путешествии груз был еще больше, и по мере того как ноша увеличивалась, со всех сторон сыпались удары сапогами, резиновыми дубинками и даже камнями, которые в них бросали. В первый день, не выдержав пыток, погибли 21 человек, остальные 26 умерли на следующий день утром.

Рассказал Ламп и еще об одном факте издеватель-

ства в Маутхаузене, уже над советским военнопленным.

Ламп показал, что как-то в субботу перекличка заключенных в сентябре 1944 года длилась очень долго. Кого-то не хватало. После долгого ожидания, обысков, произведенных в различных блоках, нашли одного советского человека, который, очевидно, заснул и забыл о перекличке. На глазах у всех заключенных эсэсовцы натравили на этого человека разъяренных собак, которые разорвали его тут же. Фамилию этого военнопленного так и не удалось установить.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ УЧАСТНИКОВ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ И МИРНЫХ ГРАЖДАН

Как бы ни были авантюристичны главари нацистской Германии, они все же понимали, что разбойничьи войны, которые они собирались развязать, жестокая эксплуатация, ограбление и уничтожение мирного населения, которые они тщательно планировали заранее, не могли не вызвать широчайшего сопротивления.

Поэтому еще до начала военных действий были предусмотрены планы и методы зверской расправы с участниками движения Сопротивления в тех странах, которые намечалось оккупировать.

Так, в развитие уже упоминавшегося «плана Барбаросса» 13 мая 1941 года, т. е. почти за полтора месяца до нападения на СССР, гитлеровское командование издало «Распоряжение об особой подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск». В этом распоряжении указывалось: «Рассмотрение дел о преступлениях, совершаемых гражданским населением противника в настоящее время, изымается

из компетенции обычных военно-полевых судов и ускоренных военно-полевых судов. Партизаны будут безжалостно уничтожаться войсками в бою или при попытке к бегству... Если обстоятельства не позволяют быстро задержать партизан, то по приказу любого офицера немедленно должны быть приняты массовые карательные меры против населения районов, где на вооруженные силы были совершены нападения».

Еще до издания указанного распоряжения — 26 марта 1941 года — было заключено секретное соглашение между главным управлением имперской безопасности и верховным командованием вооруженных сил. Этим соглашением создавались специальные карательные подразделения для уничтожения захваченных в плен партизан. Таким образом, еще за 3 месяца до нападения на СССР был разработан преступный план расправ над советскими патриотами.

Но гитлеровцы не успокоились на этом. Из приведенных документов и многочисленных фактов, имевших место в период второй мировой войны, видно, что под предлогом борьбы с партизанами гитлеровцы развязали кровавые репрессии против большинства граждан страны — объекта агрессии.

Изуверские расправы гитлеровцев с советскими партизанами в годы второй мировой войны широко известны. Подвиги Зои Космодемьянской, молодогвардейцев и сотен тысяч других советских патриотов, героически пожертвовавших жизнью в борьбе с фашистскими захватчиками, навсегда сохранятся в памяти народов.

Преступления против участников движения Сопротивления совершались не только на советской земле. Гитлеровцы жестоко расправлялись и с партизанами других стран.

Французский обвинитель в Нюрнберге представил Международному военному трибуналу ряд доказательств того, как расправлялись гитлеровцы с участниками движения Сопротивления во Франции. Их убивали в большинстве случаев без суда и часто после жестоких истязаний.

После освобождения Франции были выявлены многочисленные места массовых казней. Общее число жертв германских зверств, которые осуществлялись в борьбе с движением Сопротивления во Франции, не поддается учету. В одном лишь департаменте Рона было найдено после освобождения 713 трупов. Согласно приказу, подписанному генералом Шперрле 3 февраля 1944 года, предлагалось открывать огонь без предупреждения против партизан, немедленно сжигать дома, из которых стреляли. Гитлеровцы без суда и следствия уничтожили также десятки тысяч участников Сопротивления в Польше, Чехословакии, Югославии, Норвегии и в других странах.

Под предлогом борьбы с партизанами они применяли зверские меры расправы против мирного населения.

Всему миру известна страшная история чешского селения Лидице, стертого с лица земли, французской деревни Орадур сюр Глан.

В субботу 10 июня 1944 года в начале второй половины дня соединение СС из дивизии «Дас рейх», предварительно окружив деревню Орадур сюр Глан, ворвалось в нее. Населению было приказано собраться на центральной площади. Было объявлено, что, по сведениям оккупантов, в деревне спрятаны взрывчатые вещества и в связи с этим будут произведены обыски и проверка удостоверений личности. Мужчинам было приказано собраться по 4—5 человек, после чего такие группы заперли в сарай. Женщин и детей отвели в

церковь и заперли. Немного спустя стали раздаваться выстрелы из автоматов, и вся деревня вместе с фермами была подожжена. Многие сгорели заживо, выбегавших из домов расстреливали.

Было установлено, что соединение СС, творившее в Орадуре все эти злодеяния, возглавлял генерал Ламмердинг. После поражения гитлеровской Германии он скрылся и был заочно приговорен французским судом к смертной казни.

Однако вскоре, когда политический климат на Западе изменился, он объявился в ФРГ, где процветает и поныне: западногерманские власти отказались преследовать его в уголовном порядке.

Так зверствовали нацисты и в других захваченных ими районах.

То, что невинный человек может быть убит за действия, совершенные другими, является несовместимым с правовыми принципами, несовместимым с моралью современного человечества.

Однако немецкие фашисты в оккупированных странах ввели институт заложников, т. е. мирных граждан, которых арестовывали и казнили за действия, совершенные участниками движения Сопротивления.

Международный военный трибунал осудил как преступную практику заложничества. Руководствуясь положениями Устава, Международный трибунал признал заложничество «тягчайшим военным преступлением».

Приведем пример, показывающий, как фашисты осуществляли взятие заложников и их казнь.

Во французских газетах 21 октября 1941 года было опубликовано следующее уведомление: «Утром 20 октября 1941 года был убит военный комендант города Нанта. До настоящего времени убийцы еще не арестованы.

В качестве возмездия за это преступление я предвзятительно приказал расстрелять 50 заложников. В связи с тяжестью преступления еще 50 заложников будут расстреляны в том случае, если преступники не будут арестованы к 24 часам 23 октября 1941 года». На этом позорном документе была подпись командующего германскими войсками во Франции генерала Штюльпнагеля. Обязанность представить заложников из числа «наиболее опасных коммунистов» была возложена на французского министра внутренних дел, входившего в состав предательского правительства Петена. Этот изменник выполнил приказ, и заложники были расстреляны.

В одной лишь Франции было казнено 29 660 заложников.

РАБОТОРГОВЦЫ

Немецко-фашистские захватчики практиковали и еще один вид военных преступлений — угон в рабство: миллионы трудоспособных людей — мужчин, женщин и даже подростков в оккупированных странах насильственно сгоняли с насиженных мест, формировали в эшелоны и отправляли в Германию для принудительного труда.

Там, в условиях невиданной эксплуатации, эти люди быстро теряли работоспособность, и тогда их беспощадно уничтожали. На смену павшим шли новые эшелоны мирных людей, превращенных нацистами в рабов. Эта кровавая карусель вертелась всю мировую войну.

Смысл такой политики заключался, во-первых, в получении даровой рабочей силы, во-вторых, это рассматривалось как средство ослабления сопротивления населения на оккупированных территориях, и

в-третьих, это был еще один способ массового уничтожения местного населения.

Чтобы дать некоторое представление об условиях труда, установленных для этой категории лиц, приведем выдержки из одного документа, который оглашался в заседании Международного военного трибунала. В апреле 1942 года Поля, начальник главного административно-хозяйственного управления СС, издал приказ о руководстве концентрационными лагерями.

Как известно, при концентрационных лагерях имелись хозяйственные предприятия и даже целые заводы, которые обслуживались заключенными. Приказ Поля касался как раз этих вопросов. Вот выдержки из этого документа: «Руководство концентрационным лагерем... относится к ведению коменданта лагеря. Поэтому он один ответствен за наибольшую доходность хозяйственных предприятий.

Комендант лагеря лично ответствен за использование рабочей силы. Это использование должно происходить в полном смысле слова до истощения всех сил, с тем чтобы достигнуть наивысшей производительности... Рабочий день не ограничен».

Угон в рабство и связанный с ним принудительный труд достигли в гитлеровской Германии гигантского масштаба.

1 марта 1944 года на большом совещании так называемого «центрального управления по четырехлетнему плану» делал доклад Фриц Заукель — генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы. На этом совещании, протокол которого попал в руки союзных держав, Заукель признал, что в Германии трудится в принудительном порядке 5 миллионов иностранных рабочих. Недаром в Нюрнберге Заукеля называли самым крупным в истории работорговцем.

Заукель на том же совещании докладывал, что иностранные рабочие получают такое питание, которое «позволило бы их использовать с максимальной пользой при минимальных затратах». Если же производительность труда истощенных людей начинала падать, то им в соответствии с указанием Заукеля, что «не следует интересоваться судьбой рабочих, чья производительность труда не представляет более значения», давали еще меньшее количество продуктов.

Международный военный трибунал и военные трибуналы ряда стран после войны установили своими приговорами, что ответственность за преступную практику использования рабского труда должны нести как гитлеровские власти, так и руководители германских монополий, в интересах которых осуществлялась программа рабского труда.

Гитлеровские власти, предоставляя монополиям возможность неограниченной эксплуатации угнанных людей, достигали таким образом еще одной своей цели — биологического ослабления других народов путем уничтожения сотен тысяч людей в ходе осуществления программы рабского труда. Ближайший гитлеровский подручный — Геббельс, беседуя с министром юстиции Тираком, сказал: «Мысль о том, чтобы истребить их путем непосильной работы, — это лучшая мысль».

Материалы судебных процессов подтвердили, что германские монополии имели самое непосредственное отношение в качестве соучастников ко всем преступлениям, связанным с угоном и эксплуатацией людей, а также прямым их уничтожением.

В частности, этот вопрос специально рассматривался на судебном процессе по делу германского химического концерна «ИГ Фарбениндустри».

Вот как проходил допрос члена правления этой монополии подсудимого Шницлера:

В о п р о с. Вы сказали вчера, что в последнем квартале 1944 года Мюллер-Кунради в разговоре с вами упомянул, что ядовитые газы и химикалии, производившиеся «ИГ Фарбениндустри», применялись для убийства людей в концлагерях.

Ш н и ц л е р. Да, я так понял.

В о п р о с. Разве вы в свою очередь не спрашивали своих служащих относительно применения этих газов?

Ш н и ц л е р. Они говорили, что знали о том, что газы применялись для этой цели.

В о п р о с. Что вы сделали, когда узнали, что химикалии «ИГ» применялись для того, чтобы умерщвлять, убивать людей в концентрационных лагерях?

Ш н и ц л е р. Я ужаснулся.

В о п р о с. Предприняли ли вы что-либо?

Ш н и ц л е р. Я не стал говорить об этом, так как все это было слишком страшно. Я спросил Мюллера-Кунради: знаете ли вы, Амброс и другие директора нашего концерна о том, что газы и химикалии применяются для убийства людей?

В о п р о с. Что же сказал он?

Ш н и ц л е р. Он сказал, что это известно всем директорам «ИГ», связанным с Освенцимом.

Прямое участие в подобных преступлениях принимал и другой концерн — Круппа. В одном письме дирекция этой монополии требовала соорудить завод «в каком-либо концлагере».

Эта фирма также настаивала на варварской эксплуатации рабочих. Особую беспощадность монополисты проявили к советским людям. Так, в письме правления Круппа, направленном 18 марта 1942 года директорам заводов, предписывалось: «С русскими гражданскими рабочими нужно обращаться так же,

как с пленными. Любое сочувствие есть ложная чувствительность, которую никто не сочтет извиняющим обстоятельством».

Стремление к наживе, к расширению рынков сбыта, к захвату новых территорий и присвоению находящихся на них предприятий слили воедино кровавые преступления гитлеровских властей и руководителей монополий.

Многие сотни тысяч людей нашли свой трагический конец на заводах и фабриках, в каменоломнях и шахтах германских монополий.

МАШИНА ЧЕЛОВЕКОИСТРЕБЛЕНИЯ

Преступления нацистов привели к тому, что огромные массы людей, включая женщин, стариков и детей, были уничтожены. Профессия палача стала массовой профессией в гитлеровской Германии.

Фашисты поставили уничтожение людей на промышленную основу, на конвейер. Даже трупы несчастных превращались нацистскими злодеями в сырье, из которого выдвигались различные изделия. Фабриками смерти стали концентрационные лагеря, коричневые пятна которых после 1939 года растеклись по оккупированным странам.

В Нюрнберге обвинители союзных держав предъявили Международному военному трибуналу карту расположения этих лагерей. В центре Германии, вблизи города Веймара,— Бухенвальд. В нескольких милях от Мюнхена — Дахау. Близ Гамбурга — Нейенгам и Берген-Бельзен. В Руре — Нидерхаген. В районе Берлина — Заксенхаузен (ранее назывался Ораниенбург). Недалеко от него — Равенсбрюк. Далее — лагеря вне Германии: Маутхаузен — в Австрии, в Поль-

ше — Освенцим и Майданек, в Голландии — Хертогенброш, во Франции — Натцвейлер и многие другие.

Они стали символами нацистского «нового порядка».

В Нюрнберге было установлено, что концентрационные лагеря служили основным орудием массового уничтожения инакомыслящих сначала внутри Германии, а затем и вне ее.

На заседании Международного военного трибунала было оглашено директивное указание, адресованное администрации концлагерей. Его автором был один из подсудимых, бывший министр внутренних дел Фрик. Документ гласил: «Не следует забывать, что в тот момент, когда мы захватили власть, свыше 6 миллионов официально голосовали за коммунизм и около 8 миллионов за марксизм во время выборов в рейхстаг в марте (1933 года)... мы должны безжалостно расправиться с этими врагами государства». Выполняя эту установку, гитлеровцы бросили в концентрационные лагеря и умертвили там сотни тысяч активистов коммунистической и социал-демократической партий. Это было сделано без следствия и суда, в порядке так называемых превентивных (предупредительных) мер.

После того как нацисты развязали мировую войну, в концентрационных лагерях уничтожались главным образом граждане оккупированных областей.

Фабрики смерти работали с предельным напряжением: в Освенциме было уничтожено не менее 4 миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран. Около полутора миллионов советских военнопленных, военнопленных бывшей польской армии и мирных граждан различных национальностей нашли свой мученический конец в Майданеке. Многие сотни тысяч других погибли

в Маутхаузене, Бухенвальде, Треблинке и прочих лагерях массового уничтожения.

В руки обвинения в Нюрнберге попал такой документ. На совещании в Познани 4 октября 1943 года главарь всех нацистских карательных органов Гиммлер поучал и приказывал своим подручным: «Под очищением от евреев я подразумеваю уничтожение еврейской расы... уничтожение евреев — это наша программа, и мы ее выполняем и уничтожаем их... Большинство из вас видели 100, 500 или 1000 трупов, лежащих подряд. Выдержавшие все это... становятся крепкими. Это славная страница нашей истории».

Шеф палачей третьей империи Гиммлер, как известно, ушел от правосудия, приняв яд, но его заместитель Эрнст Кальтенбруннер держал ответ перед Международным военным трибуналом за эти преступления. Его стратегия на процессе была столь же проста, сколь и неумна: все отрицать вопреки фактам, вопреки документам, вопреки свидетелям.

Вот один из них — Рудольф Гесс. Это своеобразный свидетель. Он активный участник нацистских преступлений. В 1923 году Гесс за убийство приговаривается к 10 годам заключения. Выйдя на свободу, этот матерый уголовник назначается Гиммлером инструктором в Дахау. Затем он комендант в Заксенхаузене и, наконец, во главе самого страшного комбината смерти в Освенциме. В этой роли Гесс пробыл с 1940 по 1943 год. После краха гитлеровской Германии скрывался под фамилией Ланг. В 1946 году был обнаружен и передан Польше. В 1947 году приговорен к смертной казни и повешен на территории Освенцимского лагеря. Итак, Рудольф Гесс за свидетельским пультом в зале Трибунала. С неприкрытым цинизмом профессионального убийцы он рассказывает суду о «преимуществах своего лагеря» в сравнении с таким

«отсталым» комбинатом смерти, как Треблинка. В Треблинке, например, чтобы убить две тысячи человек одновременно, нужно было загрузить десять газовых камер, а в Освенциме достаточно одной. В Треблинке жертвы знали, что они умрут, «а у нас,— обстоятельно поясняет Гесс,— жертвы думали, что их подвергнут санитарной обработке». Гесс рассказал и о технологии отбора жертв: заключенных, прибывавших эшелонами, направляли к врачу, который тут же на месте принимал решение: пригодных к работе направляли в лагерь на медленную смерть, остальных — на фабрики истребления. «Маленьких детей,— добавляет Гесс,— истребляли всех, так как они не могли работать».

Обвинитель спрашивает нацистского палача, кто же отдавал приказы об арестах, заключении в концлагерь, наказаниях и массовых казнях? И хладнокровный убийца отвечает: сначала Гейдрих, а затем, когда Кальтенбруннер стал начальником главного управления имперской безопасности, все приказы о превентивном заключении, о ссылке, наказаниях и казнях подписывал Кальтенбруннер либо начальник гестапо в качестве его заместителя.

И Гесс резюмирует свои показания: я был начальником этого лагеря до 1 декабря 1943 года. По крайней мере 2500 тысяч человек было истреблено там в газовых камерах и еще 500 тысяч человек погибли от голода и болезней. Фактически общая цифра погибших достигла чудовищной цифры — 4 миллионов.

Пожалуй, ни один документ, ни одно свидетельское показание не изобличили с такой сокрушительной силой подсудимых, как свидетельства Гесса — этого конечного продукта нацизма. Не случайно уже одно появление коменданта Освенцима в зале суда вызвало переполох среди фашистских преступников, жаловав-

шихся потом, что день допроса Рудольфа Гесса был «самым черным днем процесса». Чего стоят после этого утверждения современных боннских пропагандистов, что газовые камеры, кремационные печи Бухенвальда и Освенцима — выдумка, бутафория, которую придумали враги немецкого народа.

Среди свидетелей в Нюрнберге были и преступники меньшего калибра. Трибунал заслушал, например, еще одного подчиненного Кальтенбруннера — эсэсовца Олендорфа, начальника эйнзатцгруппы «Д», который успел убить на юге Украины, в районе Николаева, только... 90 тысяч человек.

Но Кальтенбруннер продолжал лгать и изворачиваться, утверждая, что даже не знал о зверствах, чинимых карательными органами империи.

А за свидетельским пультом всё новые лица.

Показания дает вдова одного из выдающихся лидеров Французской компартии Мари Клод Вайян-Кутюрье. Она прошла через парижские застенки гестапо, испытала участь узника Освенцима, но палачи не сумели заставить ее склонить голову. Французский народ, освободившись от нацистского ига, избрал Вайян-Кутюрье депутатом Учредительного собрания, наградил орденом Почетного легиона.

В парижской тюрьме Сантэ ее соседями по заключению были философ Жорж Политцер и физик Жак Соломон, ученик Кюри и зять знаменитого ученого профессора Ланжевена. Вайян-Кутюрье рассказывает, как этих ученых пытали, требуя стать на путь сотрудничества с немецкими захватчиками, а когда они отказались, их казнили.

Затем Вайян-Кутюрье переходит к рассказу об ужасах Освенцима. Вот как зафиксированы ее показания в бесстрастном стенографическом отчете заседаний Международного военного трибунала.

В ай я н - К у т ю р ь е. Мы работали в блоке, в котором размещалась пошивочная мастерская, в блоке № 44, а блок, в котором мы тогда жили, находился рядом с тем местом, куда прибывали железнодорожные составы. В систему приема прибывающих партий было внесено усовершенствование: вместо того чтобы производить отбор на платформе, состав подвели по запасному пути почти к самой газовой камере, он останавливался в ста метрах от газовой камеры, как раз перед нашим блоком, который, конечно, был окружен двумя рядами колючей проволоки. Таким образом, мы видели, как распломбировывали вагоны, как солдаты выводили из них женщин, детей и мужчин. Мы присутствовали при душераздирающих сценах, видя, как разъединяли пожилые супружеские пары, как матерей понуждали оставлять своих юных дочерей, которых оставляли в лагере, в то время как матерей и маленьких детей направляли в газовые камеры. Все эти люди не знали, какая участь им была уготована. Они находились в состоянии растерянности, потому что их разлучали друг с другом, но они не знали, что их ведут на смерть.

Чтобы разрядить атмосферу приема в ту пору, т. е. в июне — июле 1944 года, во время отбора после прибытия состава оркестр из молодых заключенных, одетых в белые блузки и синие матросские юбки, играл веселые арии из оперетты «Веселая вдова», баркаролу из «Сказок Гофмана» и т. д. Прибывшим говорили, что это трудовой лагерь. Конечно, они не могли представить себе, что их ожидает. Тех, кто был отобран для отравления газом, т. е. стариков, детей и матерей, направляли в здание из красного кирпича.

Д ю б о с т (французский обвинитель). Производили ли перепись этих людей?

В ай я н - К у т ю р ь е. Нет, их даже не считали...

Маленькая Мари была моей соседкой по барaku — единственный член семьи в девять человек, который выжил. По прибытии в лагерь ее мать и семь братьев и сестер были отравлены газом. Когда я с ней познакомилась, девочке было приказано раздевать детей перед тем, как они попадали в газовую камеру. После того как люди раздевались, их заставляли пройти в помещение, которое внешне напоминало душевую... Через отверстие в потолке в это помещение кидали капсулы с газом. Один из эсэсовцев наблюдал в глазок за тем действием, которое оказывал газ. Спустя 5—6 минут эсэсовец подавал знак, чтобы открыли двери, и люди в газовых масках (это были заключенные) проникали в помещение и вытаскивали тела.

После этого приходила команда, которая занималась тем, что вырывала золотые коронки и снимала искусственные челюсти, и уже после сожжения, когда тела превращались в пепел, его просеивали снова в поисках золота.

Однажды ночью мы были разбужены страшным криком и на следующее утро узнали от команды, работавшей при газовой камере, что накануне не хватило газа и еще живых детей бросали в топки кремационных печей...

Рассказывая об этих ужасах, еще раз переживая их, Вайян-Кутюрье обвиняла не только подсудимых, но и весь фашизм в целом. А на скамье подсудимых сидели те, кто руководил преступным фашистским государством, и все они вместе и каждый в отдельности пытались убедить суд народов в своей непричастности к этим чудовищным зверствам.

Между тем в зале Дворца юстиции одна картина ужасов сменялась другой, и порой казалось, что этому кошмару не будет конца.

Если в Освенциме уничтожали людей, не считая

их, то в Маутхаузене это делали с предельной аккуратностью и педантичностью.

На стол суда в качестве вещественных доказательств легли громадные толстые книги, на добротных переплетах надпись «Тотенбух» («Книга смерти»). Обвинитель просит обратить внимание на записи одного дня. 19 марта 1945 года в течение двенадцати часов сорока пяти минут зарегистрированы 203 смерти. Записи проходят под номерами с 8390 до 8593. Указаны фамилии погибших. У всех одна причина смерти — «сердечное заболевание». Они умирали через короткие интервалы и в алфавитном порядке. Первый умерший — Аккерман — погиб в 1 час 15 минут ночи, последний — Зингер — скончался в 14 часов (Зингер по-немецки пишется через «S» — эта буква среди последних в алфавите).

Один из уцелевших узников Маутхаузена, испанец Франсуа Буа, фоторепортер по профессии, был заключен в лагерь 27 января 1941 года. Он передал союзным следователям ряд фотографий, сделанных им в лагере. На суде его спросили, как это ему удалось.

Буа. В связи со своей профессией я попал в Маутхаузен в отдел по установлению личности заключенных. Там имелся фотоотдел, разрешалось фотографировать все, что происходило в лагере, для отправки этих фото верховному командованию в Берлин.

Затем в зале суда был выключен свет, и на экране началась демонстрация фотографий. Пояснения к ним давал Франсуа Буа.

Вот один из его комментариев.

Буа. Это «маскарад», устроенный в связи с побегом одного австрийца. Он был столяром в гараже и сделал ящик, в котором его вывезли за пределы лагеря. Но через некоторое время австрийца поймали. Его посадили в тележку, на которой перевозили трупы в

крематорий, и сделали на ней надпись на немецком языке: «Все пташки возвратились». Его приговорили к смерти. Провели перед строем из 10 тысяч заключенных под музыку оркестра цыган. Когда его повесили и тело качалось на ветру, оркестр играл польку «Беер-Барель».

Рассказал Буа и о советских офицерах, которым выдали новую одежду, постелили чистые простыни, дали по папиросе, уложили в кровати, а затем, запечатлев все это на пленку, отвели в газовую камеру. Комедия «гуманности» в нацистском лагере продолжалась не более нескольких минут.

В Маутхаузене были уничтожены многие тысячи военнопленных различных армий. И немало казней было запечатлено на пленку.

Затем фотографии направлялись в Берлин, в виде отчета о том, как выполнялись уже известные читателю приказы верховного командования об обращении с военнопленными.

Фотограф Буа заставил пережить много неприятных минут подсудимого Кейтеля — бывшего фельдмаршала и начальника верховного командования германских вооруженных сил. Ведь Кейтель на процессе кичливо заверял, что он старый солдат, воспитанный на благородных воинских традициях, и что те же принципы он внедрял среди своих подчиненных.

Лгал гитлеровский фельдмаршал, лгал, как и все его коллеги по скамье подсудимых.

Для массового уничтожения людей в концлагерях требовалась специальная техника — газовые камеры и кремационные печи с большой пропускной способностью, нужны были и отравляющие вещества.

И в фашистской Германии нашлось не мало «солидных» промышленных фирм, которые делали грязный и кровавый бизнес.

Сооружение газовых камер и мощных крематориев в Освенциме было поручено немецкой фирме «Топф и сыновья». Из Берлина нетерпеливо требовали ускорения строительства и окончания всех работ к началу 1943 года. В делах канцелярии лагеря была найдена обширная переписка администрации Освенцима с фирмой «Топф и сыновья», в том числе следующее письмо: «И. А. Топф и сыновья. Эрфурт 12 февраля 1943 года. Центральному строительству СС и полиции.

Аушвиц (Освенцим). Касается: крематория второго и третьего лагеря военнопленных. Подтверждаем получение Вашей телеграммы от 10 февраля следующего содержания: «Еще раз подтверждаем получение вашего заказа на 5 штук тройных муфельных печей, включая два электрических лифта для подъема трупов и один временный лифт для трупов, заказано также практическое приспособление для транспортировки пепла и подачи угля. Ожидаем, что примете все меры для немедленной отправки всех машин с частями. Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 года. И. А. Топф и сыновья».

Фирма «Дидье» торопилась предложить свои услуги для строительства крематория, рассчитанного на крупный лагерь в Белграде.

Вот краткое извлечение из делового письма этой фирмы: «Мы ссылаемся на визит вашего представителя и на переговоры с ним нашего сотрудника господина Шторля.

Мы приняли к сведению намерение белградских частей СС построить кремационную установку, рассчитанную на крупный лагерь, мы учли также и то, что им поручено вместе с местными архитекторами проектировать и построить эту установку.

Для доставки трупов в печь мы предлагаем конвейерные трубчатые валы.

В каждой печи имеется отделение для пепла; так как не предполагается применение гробов, то ширина отделения составляет 600 мм и высота — 450 мм.

Для транспортировки трупов на места их хранения в печи мы советуем применять легкие тележки на колесах, и мы предоставим вам чертежи этих тележек».

Но капиталистический принцип конкуренции действовал и здесь. «Кори» — общество с ограниченной ответственностью и, добавим мы, с не имеющей границ подлостью своих владельцев — торопится перебежать дорогу фирме «Дидье»; «Кори» предлагает свои услуги по строительству крематория в том же лагере. При этом, хорошо зная свою клиентуру, «Кори» рекомендовала еще раз запросить, «достаточно ли будет двух печей». Фирма, между прочим, упоминала, что уже построила четыре печи для Дахау и пять печей для Люблина, и подчеркивала, что ее усовершенствованные печи оправдали себя на практике с наилучшей стороны.

Вот короткое извлечение из этого документа: «В дополнение к состоявшимся между нами переговорам о доставке установок по сжиганию простой конструкции мы предлагаем наши усовершенствованные печи для сжигания, работающие на угольном топливе, которые оправдали себя на практике с наилучшей стороны.

В связи с предполагаемым строительством мы рекомендуем еще раз запросить, достаточно ли будет двух печей... Чертеж за № 9080 иллюстрирует установку в Люблине с пятью печами для кремации и двумя монтированными отопительными камерами... В ожидании дальнейших известий к вашим услугам.

Хайль Гитлер!

Кори — общество с ограниченной ответственностью».

Но для работы газовых камер и для того, чтобы загрузить кремационные установки, нужны были отравляющие вещества. Изготовитель нашелся и здесь. Крупнейший химический германский концерн «ИГ Фарбениндустри» после ряда опытов создал и поставил концлагерям смертоносные газы — табун и циклон-Б.

Так слились воедино в совершении кровавых военных преступлений германские промышленники и нацистские главари третьей империи.

Фашистское государство не только убивало, оно еще и грабило свои жертвы. На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для сортировки и упаковки вещей и одежды, 29 из которых нацисты перед своим отступлением под напором Советской Армии сожгли. Но и в оставшихся 6 складских помещениях находилось:

мужской верхней и нижней одежды	348 820 компл.
женской » » »	836 255 »
женской обуви	5 525 пар
мужской »	38 000 »
ковров	13 694 шт.

Кроме того, на складах хранилось большое количество бывших в употреблении зубных щеток, кисточек для бритья, очков, огромное количество зубных протезов и всевозможной посуды. Там же было найдено большое количество детской одежды: рубашки, распашонки, штанишки, пальто, шапочки. На одежде, обуви и других вещах имелись фабричные марки Франции, Бельгии, Венгрии, Голландии, Югославии, Чехословакии и других государств. Кровавые руки гитлеровских убийц тщательно пересчитывали вещи своих жертв и отправляли их в Германию.

Просмотр документов лагерной канцелярии показал, что только в течение 47 дней, с 1 декабря 1944 года по 15 января 1945 года, было приготовлено к отправке в Германию 514 843 комплекта различной одежды и белья.

На кожевенном заводе Освенцимского лагеря 7 марта 1945 года советские представители обнаружили 293 тюка запакованных женских волос общим весом 7 тысяч килограммов. Экспертная комиссия установила, что для получения такого количества волос надо было остричь 140 тысяч женщин.

Присутствующие на Нюрнбергском процессе за многие месяцы судебного разбирательства уже привыкли к тому, что перед их глазами разворачивалась бесконечная вереница событий и фактов один ужаснее и мрачнее другого. Но когда советское обвинение докладывало трибуналу приведенные выше данные, рокот возмущения прокатился по залу Дворца юстиции.

Читатель помнит показания Вайян-Кутюрье о том, что у трупов выламывали золотые коронки и мосты.

Но гитлеровцы охотились не только за зубами, с убитых снимались кольца, серьги, браслеты, срывались ожерелья. Где же оседали все эти драгоценности, добытые эсэсовскими разбойниками во множестве концлагерей.

За свидетельским пультом Альберт Томс — чиновник Государственного банка Германии.

Обвинитель задает вопрос: получал ли он указания от вице-президента этого банка Эмиля Пуля относительно особых вкладов, требовавших соблюдения абсолютной тайны. Томс подтверждает: летом 1942 года «господин Пуль сказал мне, что эта операция должна держаться в секрете, поступят, мол, не только вещи, которые в обычных операциях должны были прини-

маться Рейхсбанком, но речь будет также идти о реализации драгоценностей и других вещей. В ответ на мое возражение, что для таких дел у нас нет специалистов, он сказал, что мы должны найти возможность реализовать эти вещи... Тогда я предложил сдать их в городской ломбард Берлина, как раньше сдавалось конфискованное еврейское имущество. На это предложение президент Пуль согласился. Первая такая партия поступила, насколько я помню, в Имперский банк в августе 1942 года».

Обвинитель спрашивает Томса: знакома ли ему фамилия Мельмер? Свидетель говорит, что это фамилия эсэсовца, который доставлял драгоценности в Имперский банк. Поэтому все, что поступало от главного управления СС, заносилось в книги Рейхсбанка под кодовым названием «операция Мельмера». «Через несколько месяцев,— продолжал рассказывать Томс,— господин президент Пуль спросил меня, как обстоят дела с «операцией Мельмер». Я ответил, что, вопреки предположению, вклады все время возрастают. Наряду с золотыми и серебряными монетами поступает большое количество драгоценностей, золотых и обручальных колец, золотого и серебряного лома, золота с зубов, а также всевозможные золотые и серебряные вещи... Я особо обратил внимание на то, что в одном случае было доставлено около 12 килограммов жемчуга и что я раньше никогда не видел такого количества жемчуга».

В Государственном банке 25—30 человек занимались сортировкой драгоценностей, прежде чем они отправлялись для переплавки в слитки или шли в ломбард на продажу.

Томс при этом добавил, что «в банке имелось строгое распоряжение не говорить о тайных вкладах даже со своими коллегами по отделу... Это ведь было весьма

необычным делом, и оно должно было сохраняться в строжайшей тайне».

Нацистское зверье стремилось использовать «в интересах рейха» даже трупы убитых ими людей. Так, например, человеческие кости продавались для промышленного использования фирме «Штрём». Волосы умерщвленных жертв использовались как сырье для выделки шерстяных изделий. В частности, в судебном заседании было установлено, что таким образом изготавливались носки особой прочности для военнослужащих германского подводного флота. Это доставило несколько неприятных минут подсудимому гроссадмиралу Деницу.

Когда фашисты начали терпеть поражения, они стали замечать следы своих преступлений: день и ночь дымились трубы лагерных крематориев. Но и тогда, накануне краха, техническая мысль эсэсовских «сверхчеловеков», создавшая газовые камеры и душегубки, продолжала работать над новой «проблемой»: как сочетать уничтожение следов преступления с получением определенного «промышленного эффекта». В Данцигском анатомическом институте с этой целью были поставлены опыты получения мыла из человеческих тел и дубление человеческой кожи для промышленного использования.

Все это было установлено на суде вещественными доказательствами и показаниями свидетелей.

Советский обвинитель предьявляет трибуналу показания препаратора анатомического института в Данциге Зигмунда Мазура, одного из участников этих диких экспериментов.

Подсудимые «фюреры» слушают и с опаской поглядывают на стол, стоящий рядом с пультом обвинителя. На столе лежат какие-то предметы, накрытые белой материей. Зачитав показания Мазура, обвини-

тель предъявляет суду «формы», в которые вливалась жидкая еще масса. А вот и само мыло. В руках обвинителя с виду обыкновенные куски мыла, но сколько было загублено человеческих жизней для того, чтобы немецкие парфюмерные фирмы могли получить подобный товар.

А в руках обвинителя уже кусок невыделанной кожи. Да, кожа эта — с человеческой спины. Когда обвинитель сообщил об этом, в зале раздался приглушенный стон. Присутствующие на процессе многое знали о зверствах нацистов, и казалось, их ничем уже невозможно удивить. Но каждое новое свидетельство человеконенавистнической природы фашизма потрясало до глубины души. Обвинители продолжают предъявлять суду вещественные доказательства. Вот растянутые куски выделанной татуированной кожи. Если на теле человека, попавшего в лагерь, была татуировка, то одно это уже обрекало его на смерть: такая кожа особенно ценилась среди нацистских извергов.

Вот что показал в связи с этим свидетель Пфаффенберг: «В 1939 году всем заключенным в Бухенвальде, у которых имелась татуировка, приказали явиться в больницу. Никто не знал зачем.

После осмотра те из заключенных, кто обладал наиболее интересной в художественном отношении татуировкой, были помещены в больницу, где их убили впрыскиванием, которое производил уголовник Карл Байгс. Трупы были переданы в больничный морг, где были вырезаны и обработаны куски кожи с татуировкой. Затем в обработанном виде эта кожа была передана жене штандартенфюрера СС Коха, которая использовала ее для изготовления абажуров и других украшений в доме. Я сам видел различные куски татуированной кожи с рисунками и надписями,

например с надписью «Ганс и Гретель», которая была на колене одного заключенного, или с рисунками кораблей, которые были вытатуированы на груди».

Но обвинитель еще не исчерпал жуткого арсенала доказательств. Вот стеклянный колпак, под ним — высушенная голова человека. На шее сохранились следы веревки.

Мороз пробежал по телу! Чья это кожа, кому принадлежала эта голова? Может быть, русскому, а может быть, поляку или французу. Известно только, что голова убитого заключенного на специальной подставке стояла в виде украшения на письменном столе начальника концлагеря Освенцим.

Но вот в судебном зале гаснет свет, и на экране возникают кадры документального фильма «Концентрационные лагеря». Его снимали нацистские операторы.

Гестаповская кинохроника, конечно, не была предназначена для широкой публики, ее смотрела нацистская элита. Мелькают кадры — концлагерь Освенцим, десятки тысяч несчастных, ожидающих смерти; их избивают, травят собаками. А вот и крематорий — конец страдальческого пути сотен тысяч гитлеровских пленников. А это что такое? Целый склад тюков. В них волосы, срезанные с жертв перед казнью. На тюках надписи «волос мужской», «волос женский». Перед входом в крематорий горы обуви — здесь десятки тысяч пар. Снова трупы. Оркестр, составленный из музыкантов, собранных из разных стран Европы, исполняет «Танго смерти», заглушая стоны несчастных. Отступая, гитлеровцы уничтожили оркестрантов, их стоны уже никто не заглушал. На экране возникает лагерь Дахау. 170 тысяч трупов. А вот появляется Иозеф Крамер — палач Бельзенского концлагеря. Он руко-

водит массовым убийством женщин, огромный ров заполняется телами.

Да, прав был обвинитель, сказав: «Наши доказательства будут ужасающими, и вы скажете, что я лишил вас сна». Так это и было.

Не случайно боннские милитаристы пытаются скрыть от нового поколения немцев масштабы гитлеровских зверств, ответственность за которые несет не только фашизм, но и германский милитаризм в целом.

И сегодня, когда реваншисты и милитаристы снова у власти в ФРГ, когда современные руководители этого государства рвутся к атомно-ракетному оружию, с особой силой звучат слова советского обвинителя Л. Н. Смирнова: «Те, кто находится ныне на скамье подсудимых, освободили от «химеры, именуемой совестью», сотни тысяч и миллионы преступников. Они воспитали этих преступников, создали им атмосферу безнаказанности и натравили своих кровавых собак на мирных людей. Они глумились над совестью и достоинством человека... Но на сырых стенах газовых камер, на местах расстрела, в фортах смерти, на каменных плитах тюрем и казематов мы до сих пор можем различить полные глубокой душевной боли, вызывающие к возмездию краткие записи обреченных на смерть людей. И пусть помнят живые эти запечатленные на камне голоса жертв немецко-фашистского террора, вызывавших перед смертью к совести мира о справедливости и о возмездии».

Фашизм, который возвел в ранг государственной политики истребление народов, является порождением империализма. И об этом необходимо помнить.

ПРИГОВОР

В конце августа 1946 года Международный военный трибунал закончил рассмотрение дела главных нацистских военных преступников. Подвели итог главные обвинители четырех держав. Произнесли защитительные речи адвокаты, сказали последнее слово подсудимые. Многомесячный судебный процесс приближался к концу, и судьи удалились в совещательную комнату.

30 сентября 1946 года суд закончил эту работу — приговор был составлен и подписан всеми членами трибунала. Час за часом судьи, сменяя друг друга, читают этот исторический документ.

1 октября на своем последнем, 403-м заседании Международный военный трибунал огласил свой приговор каждому из обвиняемых в отдельности. Трибунал признал виновными и приговорил к смертной казни через повешение Германа Геринга, Иоахима Риббентропа, Вильгельма Кейтеля, Эрнста Кальтенбруннера, Альфреда Розенберга, Ганса Франка, Вильгельма Фрика, Юлиуса Штрейхера, Фрица Заукеля, Артура Зейсс-Инкварт, Альфреда Йодля. Дело Мартина Бормана было рассмотрено заочно, и он был также приговорен к смертной казни через повешение.

Рудольф Гесс, Вальтер Функ, Эрих Редер были осуждены на пожизненное заключение. Карл Дениц был приговорен к десяти годам тюремного заключения, Бальдур фон Ширах и Альберт Шпеер — к двадцати годам и Константин фон Нейрат — к пятнадцати годам тюремного заключения. Трибунал оправдал подсудимых Ялмара Шахта, Франца фон Папена и Ганса Фриче.

Суду Международного военного трибунала были также преданы такие организации, как руководящий состав национал-социалистской партии, гестапо и СД¹, СС², СА³, правительственный кабинет, генеральный штаб и верховное командование. Материалами судебного процесса было установлено, что эти организации принимали активное участие в захвате гитлеровской кликой власти в Германии, в подготовке и развязывании агрессивных войн, в совершении тягчайших военных преступлений и преступлений против человечности.

Трибунал признал эти организации, кроме СА, генерального штаба и верховного командования, преступными. Признание организации преступной означало, что каждый ее член мог быть судим и наказан судебными органами любого государства не только за конкретно совершенные им преступления, но и за самый факт членства в такой организации.

Член Международного военного трибунала от СССР И. Т. Никитченко, подписав приговор, представил трибуналу свое Особое мнение, в котором выразил свое несогласие с оправданием Шахта, Папена и Фриче. Советский судья, основываясь на многочислен-

¹ СД — служба безопасности национал-социалистской партии. Гестапо — государственная тайная полиция.

² Охранные отряды национал-социалистской партии.

³ Штурмовые отряды национал-социалистской партии.

ных материалах Нюрнбергского процесса, вскрыл в своем Особом мнении неосновательность оправдания этих подсудимых.

Советский судья выразил также свое несогласие с назначением Гессу, являющемуся заместителем Гитлера по руководству нацистской партией, незаслуженно мягкого наказания, считая, что единственно правильной для него мерой наказания является смертная казнь.

Наконец, в Особом мнении советского судьи выразилось несогласие с отказом Международного трибунала признать преступными организациями правительственный кабинет, генеральный штаб и верховное командование вермахта. Советский судья указывал, что представленными трибуналу доказательствами полностью установлена преступная деятельность этих организаций.

Несмотря на эти отдельные недостатки, в целом приговор Международного военного трибунала имеет огромное историческое значение. Впервые в истории человечества агрессоры предстали перед судом народов, были судимы и сурово наказаны.

В ночь на 16 октября 1946 года приговор был исполнен, и главные руководители гитлеровской Германии были повешены. Осужденные к лишению свободы подсудимые были этапированы в тюрьму.

Приговор Международного военного трибунала стал водоразделом в истории международных отношений и международного права. Этот приговор покончил не только с наиболее тяжкими военными преступниками, но и — что гораздо важнее — с безнаказанностью агрессии и агрессоров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

20 лет прошло с тех пор, как смолкли орудия на полях второй мировой войны. Героическими усилиями советского народа и народов других стран антигитлеровской коалиции германский милитаризм был разгромлен.

Прошли годы, и выросло новое поколение людей, которое лишь по рассказам ветеранов войны знает о кровавом вихре, шесть лет потрясавшем мир. Ушли в небытие десятки миллионов людей, которые, не будь этой войны, имели бы возможность жить, творить, радоваться.

Май 1945 года. Первая после многих лет радостная весна. Весна мира и надежд. Что-то глубоко симптоматичное было в том, что война кончилась в лучах теплого майского солнца.

Люди всего мира верили каждому слову Потсдамской декларации, олицетворявшей решимость великих держав-победительниц никогда больше не допустить войны, не допустить восстановления разбойничьего германского милитаризма.

Но прошли годы, и мир снова столкнулся с опасностью возрождения милитаризма в Германии. Нет Кейтеля и Йодля, но западногерманский бундесвер

создан и угрожает миру, как угрожал миру рейхсвер. Боннские реваншисты, широко используя гитлеровские приемы, проповедуют захватнические цели, открыто готовят войну против социалистических государств и других европейских стран. В результате такой политики в центре Европы образовался очаг агрессии, угрожающий миру.

Боннские милитаристы рвутся к заветной цели: с помощью американских монополий они надеются получить доступ к атомному курку.

Допуск германских милитаристов к атомному оружию был бы величайшей опасностью для дела мира во всем мире. Ведь это оружие дает большие возможности для провокаций, могущих вызвать мировую ядерную войну, а германские милитаристы — признанные мастера провокационных дел.

Поскольку боннские правители хотят навязать своему народу старые милитаристские цели, им для этого требуется солидная пропагандистская подготовка. И одним из существенных элементов такой подготовки является попытка реабилитировать роль нацистов в истории германского народа и поднять на щит их преступных руководителей.

Реакционеры разных стран спешат оказать в этом деле всемерную помощь западногерманским фашистам и профашистам.

Те, кто сегодня защищает «поруганную честь» Геринга и Гесса, Розенберга и Деница, в сущности, думает о себе. Реабилитируя главарей нацизма, они тем самым расчищают дорогу для себя и себе подобных.

Сегодня в Западной Германии полным ходом восстанавливается военно-морской флот. Командный состав его в основном те же гитлеровские офицеры, рьяно выполнявшие приказ их шефа адмирала Деница: «Топить безжалостно и без предупреждения».

И конечно же Бонн восторгается, когда этот закоренелый милитарист после отбытия наказания по приговору Международного трибунала, разъезжает ныне по Западной Германии и читает лекции «о героизме и самоотверженности» гитлеровских морских пиратов. Передача опыта! Милитаристская печать Бонна всячески превозносит Деница, а правительство ФРГ платит ему большую пенсию.

В своей проповеди всепрощения нацизма западногерманские реваншисты дошли до реабилитации даже самого Гитлера. С каждым днем на книжный рынок поступают новые и новые панегирики в его честь.

Само собой разумеется, что вся эта пропаганда ведется в полном соответствии со всем реваншистским курсом политики ФРГ.

Надо ли после этого удивляться, что при такой политике Нюрнбергский процесс в Западной Германии подвергается ожесточенным нападкам, а участники его — обвинители и судьи предаются анафеме.

Реакция ненавидит нюрнбергский приговор и потому, что он ясно указывает на огромную опасность возрождения германского милитаризма в ФРГ. Выводы Международного трибунала сегодня призывают народы усилить борьбу за мир, борьбу против фашизма. Нюрнбергский приговор — это грозное предупреждение всем агрессорам, это исторический урок всем тем, кто вновь попытался бы повторить гитлеровский эксперимент. Это суровое предупреждение американским агрессорам во Вьетнаме, которые чинят там чудовищные преступления, за которые в Нюрнберге судили гитлеровцев, это исторический урок современным расистам, унаследовавшим гитлеровские преступные методы.

Вот почему нюрнбергский приговор расценивается

всеми народами как большая победа сил демократии и мира над силами реакции и войны.

С каждым днем силы прогресса становятся все сильнее. Главная закономерность нашего времени — рост мощи и влияния социализма и ослабление империализма.

После второй мировой войны возник могучий лагерь социалистических государств — важнейший фактор в борьбе за мир. Германский империализм ныне уже не господствует во всей Германии. Значительная часть ее территории принадлежит германскому народу, создавшему миролюбивое, демократическое государство — ГДР — первое государство немецких рабочих и крестьян.

Германский фашизм мог утвердить свою власть и развязать войну вследствие разобщенности сил мира и демократии. Ныне агрессивным планам западногерманского империализма противопоставлена объединенная мощь всех миролюбивых государств и народов Европы. Народы все активнее берут решение вопроса о войне и мире в свои руки.

И в этом залог того, что планы боннских милитаристов и их заокеанских покровителей и союзников будут сорваны, а дело мира восторжествует.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Международный военный трибунал создан	6
Трибунал начал свою работу	10
Подсудимые	17
Мюнхен открывает дорогу войне	24
Начало конца	36
Чудовищные преступления гитлеровцев и их цели . .	46
Убийства военнопленных	51
Преступления против участников движения Сопротивления и мирных граждан	62
Работорговцы	66
Машина человекоистребления	70
Приговор	88
Заключение	91

Полторак Аркадий Иосифович.

ПОД СУДОМ ФАШИЗМ. (Нюрнбергский процесс). М.,
Политиздат, 1966.

95 с. (Школьная б-чка по новейшей истории).

9(И)7

Редактор И. Динерштейн

Художественный редактор **Н. Симагин**

Технический редактор **А. Данилина**

Сдано в набор 4 апреля 1966 г. Подписано в печать 23 мая 1966 г.
Формат 70 × 108^{1/32}. Физ. печ. л. 3. Условн. печ. л. 4,20.
Учетно-пзд. л. 3,69. Тираж 100 тыс. экз. А11591. Заказ № 3982.
Бумага № 2. Цена 9 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Мнусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата,
Москва, Краснопролетарская, 16.

9 коп.

